

Узакный детектив

Г•А•Л•И•Н•А

КУЛИКОВА

Кто не спрятался — тот виноват,
или Витязь в овечьей шкуре

Изящный детектив от Галины Куликовой

Галина Куликова

**Кто не спрятался – тот виноват,
или Витязь в овечьей шкуре**

«ЭКСМО»

Куликова Г. М.

Кто не спрятался – тот виноват, или Витязь в овечьей шкуре /
Г. М. Куликова — «Эксмо», — (Изящный детектив от Галины
Куликовой)

ISBN 5-699-16902-4

У Наташи Смирновой началась черная полоса в жизни. Мало того, что ее бросил любимый мужчина, так еще в их районе объявился маньяк, который вырезает всех Наташ Смирновых. В живых осталась только она одна. Как спастись? Конечно, прислушаться к совету подруги, владелицы бюро по трудоустройству: побриться наголо, натянуть жуткий сарафан до пят и отправиться в загородный дом бизнесмена Покровского, которому нужна неженственная и непривлекательная помощница... Бедная и лысая Наташа попадает из огня да в полымя!.. Сначала отравили бывшую жену хозяина, затем его любовницу. Подозрение падает на Покровского. Однако Наташа втюрилась в него, как кошка, и, забыв о своих бедах и несчастьях, собирается изобличить настоящего отравителя!..

ISBN 5-699-16902-4

© Куликова Г. М.

© Эксмо

Содержание

1	5
2	14
3	26
4	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Галина Куликова

Витязь в овечьей шкуре

1

Петя Шемякин, корреспондент газеты «Наш район», вбежал в уютный подъезд и с силой стряхнул с себя капли. На улице шел дождь, и подъезд пах мокрыми кошками. Петя вызвал лифт и стал притопывать от нетерпения. У него был пугающий темперамент – Петя ни секунды не сидел на месте, а если уж сидел, то постоянно вертелся, словно каждый предложенный ему стул кишел муравьями.

– Я вышел на интересную тему! – сказал он заму главного, натягивая куртку. – Нужна дополнительная информация. Сбегаю навещу одну девицу, тут недалеко. Надеюсь, эта штучка никуда не ушла!

«Штучка» никуда и не собиралась уходить. Она сидела на кухне, пила чай с баранками и смотрела в окно. На улице было ненастно: ветер трепал деревья, а серое небо провисло, как старый тент. Отличное воскресенье! Под стать ее настроению.

На полу перед холодильником лежала кучка вещей, оставленных любимым мужчиной. Три недели назад он сообщил, что уезжает в командировку, и все это время не подавал о себе вестей. А вчера вечером выяснилось, что Калашников давно вернулся в Москву и живет как ни в чем не бывало. Вещи, которые он у нее оставил, на поверку оказались бараклом – зубная щетка, заношенная рубашка, исписанный блокнот... Вероятно, они были призваны просто отвлечь ее внимание.

«Если бы я вышла замуж сразу после окончания школы, – с тоской думала Наташа, – и родила дочку, ей сейчас было бы четырнадцать лет». В прошлые выходные мама заявила, что вполне готова стать бабушкой.

– Надеюсь, ты не собираешься с этим тянуть! – строго сказала мать и погрозила Наташе наманикюренным пальцем.

При этих словах ее третий муж показал лошадиные зубы. Он был твердо уверен, что никаких внуков свободолюбивая Карина нянчить не станет и его вольготному существованию ничто не грозит.

– Твоя интимная жизнь состоит из одних драм! – напоследок попеняла ей мама.

У нее самой на личном фронте был полный порядок. Поклонники ходили ровными шеренгами, и она выкликала их из строя по мере необходимости.

Наташа вздохнула и пошевелила носком тапочки лежавшую на полу рубашку. И в этот момент раздался звонок в дверь. Она прижала руку к груди – сердце застучало сильно и громко. Вдруг это он, Калашников? Бабочкой подлетела к двери и припала к «глазку». На лестничной площадке стоял ее школьный приятель Петя Шемякин и суетливо подергивался.

– Привет, – промямлила Наташа, отворив дверь. – Заходи, Петь. Чаю хочешь?

Шемякин хотел всего сразу – чаю, баранок, конфет «Мишка косолапый» белорусского производства под интригующим названием «Ведмедик клешчаногий», засохшей пастилы и кабачковой икры с черным хлебом.

– Я, собственно, заскочил узнать, что ты об этом думаешь! – объяснил он, сыто облизываясь.

– О чем? – вяло спросила Наташа.

Шемякин мог иметь в виду все, что угодно: плохую погоду, трагическую судьбу русской версии мюзикла «Чикаго» или американо-израильско-палестинскую встречу в городе Акаба.

– Об убийствах, – коротко ответил он и громко позвенел ложечкой в чашке.

Наташа нахмурилась. Она не любила страшных историй, никогда не смотрела передач о чрезвычайных происшествиях в городе и зажималась, когда попадалась кровавая сцена в кино. Шемякин отлично это знал. С чего он вдруг решил, что она станет обсуждать с ним какие-то убийства?

– А кого убили? – тем не менее спросила она.

– Ты что, ничего не знаешь? – Петя вскинул голову и посмотрел на нее круглыми глазами, полными творческого ужаса. – То есть вообще ничего? И милиция к тебе не приходила?

– Нет, – пробормотала Наташа и испугалась уже по-настоящему. – Зачем мне милиция? Говори толком: что случилось?

– Тут у нас такое делается! Я имею в виду – в нашем районе.

Петя полез во внутренний карман, добыл оттуда сложенный кусок карты, развернул и положил на стол так, чтобы Наташе было удобно смотреть.

– Четыре дня назад вот на этой улице в подъезде убили женщину. Пырнули ножом в живот.

– И что? – спросила Наташа, вглядываясь в квадратики, изображавшие дома.

– А еще через два дня вот тут, недалеко от тебя, буквально в квартале, убили еще одну женщину. Ее нашли в палисаднике соседи. Тоже ножом и тоже в живот.

– Ну? – снова спросила Наташа, чувствуя, что в желудке воцаряется арктический холод.

Петя посмотрел на нее с победным видом и сообщил:

– И одну и вторую звали Наташей Смирновой. Как тебя!

– Боже мой...

– Я провел журналистское расследование, – тархтел Петя. – Ни одной Наташи Смирновой на прилегающей территории больше не проживает. Кроме тебя! Поэтому у меня на твой счет возникли опасения. На тебя никто не покушался?

– Вроде бы нет...

– Плохо.

– Но что же мне делать? – дрожащим голосом спросила Наташа, немедленно почувствовав себя приговоренной к смерти.

– Понятия не имею! – весело отозвался ее гость и жадно отхлебнул из кружки. – Я думал, у тебя уже милиция побывала. Расспрашивали, строили предположения... Это ведь не может быть совпадением, правда? Наверное, какого-нибудь маньяка заклинило на Наташах Смирновых. Тебе бы надо поостеречься, дорогая моя! Кстати, тебе ничего на ум не приходит? Может быть, ты сама виновата? Какой-нибудь отвергнутый поклонник, а?

Единственным отвергнутым поклонником в жизни Наташи был сам Петя Шемякин. Впрочем, все случилось так давно, что не заслуживало даже упоминания.

– Что, если не ты, а другая, неведомая Наташа Смирнова разбила кому-то сердце? А теперь этот кто-то свихнулся и мстит? Задумал порешить всех Наташ Смирновых, которых ему удастся обнаружить в зоне своего проживания! Вот что я тебе посоветую: не выходи пока из дома. Возьми больничный.

– Мне не дадут! – простонала Наташа, хватаясь за голову. – У меня даже температуры нет.

– А ты отравись чем-нибудь, – посоветовал Петя. – В крайнем случае сгryзи карандашный грифель. Знаешь, как тебе сразу плохо станет?

Симулировать Наташа не могла. Всего неделю назад фирму возглавил новый начальник, который торжественно заявил, что больничный лист и менеджер по продажам несовместимы. Ей вовсе не улыбалось потерять работу. Но и рисковать жизнью тоже не хотелось!

Едва Шемякин, попросив держать его в курсе, убрался восвояси, она кинулась к телефону. Кому звонить? Мама со своим мужем уехала путешествовать, Игорь ее бросил... Разве что попросить совета у подруги? Звание ее лучшей подруги вот уже много лет гордо несла

по жизни Ольга Кушакова. Она всегда была готова утешить, помочь советом и даже личным примером.

– Убили двух Наташ Смирновых? – переспросила она испуганно. – И ты осталась последняя во всем районе? Нет, радость моя, тебе не стоит выходить из дому одной. Даже на работу! Вот что: я тебе завтра Михалыча пришлю, он тебя до места службы под ручку доведет. К нему с ножом не сунешься!

Ольга занимала высокий пост директора агентства по трудоустройству и имела в подчинении нескольких сотрудников, готовых ради нее на маленький подвиг. Михалыч, оказавшийся молодым мордастым парнем, действительно с раннего утра заявился к Наташе домой и теперь перетаптывался в коридоре, дожидаясь, пока она закончит собираться.

Полночи бедная Наталья размышляла, как себя обезопасить. Конечно, провожатый – это хорошо. Он поведет ее под ручку. Но кто помешает маньяку подойти к ней с другой стороны, размахнуться и... Она решила, что на живот нужно надеть что-нибудь вроде кольчуги. Какую-нибудь пластину, которую невозможно пробить ножом. В качестве эксперимента она прибинтовала к телу «тефалевскую» форму для торта, но при ходьбе та сбивалась на сторону и в конце концов проваливалась в брюки. Кроме того, принять сидячее положение с этой формой было совершенно невозможно.

Тогда она решила остановиться на маленькой диванной подушке. Пришила к ней тесемки, завязала их бантиком на спине и надела сверху широкую рубашку, сразу сделавшись похожей на будущую мать. В связи с этим ее появление на работе получилось триумфальным. Сотрудницы ахали и шептались. Сотрудники не ахали, но тоже шептались и стайками тянулись на лестницу курить.

– Наталья, как тебе это удалось? – драматическим шепотом спросила секретарша Мадина, спустя некоторое время подсев к ее столу. – В пятницу еще ничего не было заметно, а сегодня – пожалуйста!

– Ну... – промямлила Наташа. – Я не знаю... Как-то так получилось...

– Эх, да что там говорить! Это всегда получается «как-то так»! – поддакнула Мадина и тут же, ойкнув, вскочила на ноги. – К тебе клиент. Вон он, гляди: некий Негодько. С самого утра тут, все о тебе спрашивал.

Наташа обернулась и увидела жуткого мужика: широкого, как дверь, с большой головой и плоским лицом. Его темные глазки были вдавлены в одутуловатое лицо, как изюмины в подошедшее тесто.

– Почему *это* – ко мне? – дрожащим голосом переспросила она.

– Ему тебя порекомендовали! – похлопала ее по руке Мадина и встала. – Хочу, говорит, иметь дело только с Натальей Смирновой, с ней одной. Так что – трудись.

Негодько тяжелой поступью прошел через весь зал и неожиданно тихим, вкрадчивым голосом спросил:

– Наташа Смирнова? – И полез одной рукой в карман пиджака.

– Нет-нет! – воскликнула она с невероятной горячностью. – Наташа Смирнова с сегодняшнего дня в отпуске. А я ее замещаю. Я – это не она!

– А кто? – невероятно удивился Негодько.

– Серохвостова, – быстро сказала Наташа. – Фекла Валерьяновна.

– Безобразие, – рассердился клиент, развернулся и потопал обратно. Распахнул дверь в приемную и громко сказал Мадине: – Я тут столько времени жду Наталью Смирнову, а вы мне подсовываете непонятно кого!

Мадина вскочила, выглянула из-за его плеча в зал и спросила:

Как – непонятно кого? А это, по-вашему, кто? – и кивнула на Наташу.

Конечно, Серохвостова. Будто бы вы не в курсе!

Ну да! – сказала Мадина. – Кто вам сказал?

Она сама и сказала.

Кто?

Да Фекла Валерьяновна же! Серохвостова.

С ума сойти, – пробормотала Мадина, пытаюсь понять, что за знаки подает ей Наталья. – Тогда вам, пожалуй, лучше поговорить с нашим заместителем. Сюда, прошу вас.

Негодько удалился, гневно оглядываясь, и не успела Наташа перевести дух, как на горизонте появился начальник отдела Ефим Коростылев – самец крупный и при этом, как говорят зоологи, ярко окрашенный.

– М-м... – пробормотал он, остановившись возле ее стола. – Все нормально?

– Ну да, – ответила Наташа, размышляя, идти ли ей обедать или попросить кого-нибудь принести пару булочек из кафе напротив.

– А почему ты такая... бледная?

– У меня, видишь ли, проблемы. Сижу, думаю, что делать.

– Я могу помочь? – спросил Коростылев, быстро окидывая ее взглядом.

– В общем, да. – Наташа подняла голову и прищурила один глаз.

«Почему бы не попросить у босса отпуск?» – подумала она и добавила:

Ты просто обязан мне помочь. Я как раз собиралась к тебе... с важным разговором.

Коростылев моргнул и предложил:

Заходи минут через пятнадцать.

Ладно, – ответила Наташа, не заметив, как изменилось выражение его лица.

Войдя в свой кабинет, Коростылев бросил папку на стол и схватился за телефон.

Алло! Леонид? – придушенным голосом спросил он. – Леонид, ты помнишь, у нас в марте была корпоративная вечеринка? Я не знаю, по какому поводу! Да, да, именно та самая. Я выпил тогда лишнего и, кажется, задержался... сверх меры. Я ведь оставался на этаже не один? М-м... Так-так. Значит, Наталья Смирнова... М-м... Весь вечер за ней волочился? Распускал руки... Понимаю. – Он потер лоб и пробормотал: – И что это на меня нашло? Да нет, все нормально. Хорошо-хорошо.

Он бросил трубку, свалился в кресло и едва не расплющил тяжелым взглядом часы на противоположной стене. Когда Наташа постучала и вошла, он, однако, приосанился и попытался беззаботно улыбнуться.

Садись, садись, – сказал он и глупо добавил: – Чувствуй себя как дома. Догадываюсь, что ты хотела поговорить со мной о... гм... своем положении.

Он замолчал и стал притопывать под столом ногой, словно горячий конь, загнанный в стойло. Наташа, голова которой была занята только убийцей, разгуливающим по району, удивленно спросила:

– Откуда ты знаешь о моем положении?

Все уже знают, – раздраженно отмахнулся он и, не дав ей сообразить, в чем дело, быстро спросил: – Давай конкретно – чего ты хочешь? Только не забудь, что у меня большая дружная семья. Жена, дети...

Ты что, Ефим, подумал, что я попрошу тебя повсюду меня сопровождать? – удивилась Наташа. – Да мне бы и в голову не пришло подставлять тебя под удар!

Вот спасибо, – криво улыбнулся тот. – Так чего ты от меня хочешь?

Хочу, чтобы ты дал мне отпуск, – быстро нашлась она. – Иначе придется постоянно ходить на работу вот с этим, – она похлопала себя ладонью по подушке. – И, естественно, рассказать всем сотрудникам, откуда это взялось. Они же будут спрашивать!

Ну... Зачем ты так? – пробормотал Ефим. – Сразу рассказывать! Отпуск так отпуск. Я сейчас сам спущусь в бухгалтерию. Еще выпишем тебе материальную помощь. Не надо ничего никому рассказывать!

Вообще-то ты прав, – согласилась Наташа. – Не буду. Это страшная история. Женщины испугаются...

Ну уж прямо так и испугаются, – пробормотал оскорбленный Ефим. – Это же все происходило... не насильно.

А как?! – вскричала Наташа. – По-твоему, добровольно?!

Потрясенный Ефим закрыл глаза и дал себе клятву: с сослуживцами не пить. Бокал шампанского – максимум.

Ладно-ладно, – трусливо ответил он. – Получишь деньги – и можешь идти. В отпуск. Оформим его с понедельника. Я сам все улажу.

* * *

Вместо того чтобы ехать домой, Наташа отправилась к Ольге и без стука ввалилась в ее служебный кабинет. Та уже собиралась уходить и гремела ключами.

– Боже мой! – воскликнула она, увидев подругу с животом странной формы. – Что там у тебя – коробка с многолетними сбережениями?

– Не смейся, – выдавила из себя Наташа. – Я приехала к тебе прятаться.

– Ну хорошо, – согласилась Ольга. – Прячься. Только – чур! – не здесь. Поедем лучше ко мне. Моя младшая сестрица совсем расклеилась, ее без присмотра оставлять нельзя.

– А что такое?

– Ухо где-то простудила. Третий день рыдает.

– Так болит? – сочувственно спросила Наташа.

Да нет. Просто у нее срывается какое-то офигительное свидание. Кстати, как прошел день? Никто не бегал за тобой с ножом?

– Ты говоришь так, как будто не веришь в грозящую мне опасность.

– Еще как верю! – возразила Ольга. – Вот во что я верю, так это в опасность. Опасность сейчас повсюду. А в вашем районе постоянно происходят какие-то ужасы. Ты слышала, что неподалеку от твоего дома исчезла жена крупного предпринимателя? Выскочила в супермаркет за сигаретами – и ку-ку. Правда, было уже довольно поздно, темно. Но курево – это такое дело! За ним и в полночь хоть на край света пойдешь.

– Ее случайно звали не Наташей Смирновой?

– Нет, но какая разница.

– А в какой супермаркет она выскочила?

– В какой, в какой? В ваш! Он у вас один на всю округу круглосуточный.

– Но там же охрана.

– Глупая! Охрана – внутри, а женщина пропала на улице. Купила сигареты, вышла и как в воду канула.

– Откуда ты знаешь?

– По телевизору рассказывали. Что у нас в стране делают по-настоящему хорошо и оперативно, так это информируют граждан обо всех преступлениях, несчастных случаях и катастрофах. Тут нам равных нет!

Домой они ехали на Ольгином «Москвиче» и в подъезд входили с большой опаской. К счастью, кроме старухи и ватаги мальчишек, по пути им никто не встретился. Ольгина сестра Ксюша лежала на диване, уткнувшись лицом в подушку, и рыдала. На полу рядом с ней сидела маленькая дворняжка Клипса и подвывала, задрав морду кверху.

– Привет! – сказала Наташа Ксюшину затылку и, извернувшись, отвязала от себя подушку. – Как дела?

– У-у-у! – послышалось в ответ.

– Ксюшка, прекрати сейчас же! – рывкнула Ольга и бросила сумку под вешалку. – Подумаешь, свидание! Вон за Натальей убийцы охотятся, она же не воеет.

Ксюша немедленно перестала рыдать и села – встрепанная, несчастная, с красными щеками. Вокруг ее головы был обмотан платок, завязанный на макушке бантиком. Однако даже в таком виде она была до невозможности хорошенькой.

– Ну да? – спросила она, уставившись на Наташу. – Это правда? Тебя хотят пришить?

– Правда, – вздохнула та. – Поэтому я сегодня здесь. Домой ехать боюсь. В нашем районе орудует какой-то маньяк – прикончил уже двух Наташ Смирновых. А в наличии всего три – я последняя осталась. Это мне Петька Шемякин рассказал, а он всегда держит руку на пульсе.

– Одноклассник ваш? – уточнила Ксюша. – Репортер? А он не предложил тебя защитить? Подставить плечо?

– Он знает, что я не согласилась бы, – отмахнулась Наташа. – Кроме того, у него работа напряженная, он целый день в бегах. Да и вообще... Шемякин не тот человек.

– Да, – вздохнула Ксюша. – В наше время найти приличного мужика – все равно что напасть на золотую жилу. Эту жилу можно потом много лет разрабатывать... покуда она не иссякнет. Отсюда такая прорва старательниц. А тот тип, с которым у тебя была любовь?

– Сбежал, – коротко ответила Наташа.

Ксюша немедленно воодушевилась, забралась на диван с ногами и прижала к себе вертящуюся Клипсу. В ее влажных синих глазах вспыхнул огонь.

– Вот и у меня – горе, – объяснила она. – Ольга не понимает! Я четыре месяца с одним мужиком в Интернете дружила. По всем показателям – просто песня, а не мужик! Роман Ерискин. Я его подцепила на крючок и уже вела на удочке к борту своей лодки, уже подсекла...

– Как это? – сердито спросила Ольга, переодеваясь в халат.

Он предложил мне встретиться, вот как! – выпалила Ксюша. – Мы обговариваем все детали, трепещем в предвкушении необыкновенной встречи и тут... На меня нападает отит! В ухе стреляет, температура, я вся горю, меня знобит... Какое тут, скажите на милость, свидание?

Я даже рада! – хмуро заявила Ольга. – Как можно за глаза договариваться, Ксюша? Может, он извращенец? Или ученик шестого класса школы номер триста пять? Или вообще – женщина! У меня в бюро Сева Шевердинский тоже одно время увлекался электронным флиртом. Целую декаду переписывался с какой-то Джэнервой Ю-11. Это у нее кличка такая была в сети. Потом он назначил ей встречу, купил цветы, конфеты, и оказалось, что эта Джэнерва Ю-11 – студент мехмата. Но Сева на этом не успокоился и завел новый виртуальный роман. Как только нашел очередную родственную душу – затребовал фотографию. Девушка на снимке ему понравилась, и он опять купил цветы, конфеты и шампанское.

– И что? – хихикнула Ксюша.

– Его родственная душа оказалась теткой пятидесяти пяти лет, обремененная невестками, внуками и хроническими болезнями. Фотографию она прислала двадцатилетней давности, и Сева с ней по этому поводу чуть не подрался.

– Но у нас-то с Романом все по-настоящему! – гневно воскликнула Ксюша. Сунула руку под подушку, достала распечатанный на принтере снимок и протянула сестре. – Вот. Видишь, дата проставлена при съемке? Прошлый месяц этого года, никакой подделки.

Ольга с брезгливой физиономией поглядела на фотографию и протянула ее Наташе, заметив:

Хлыщ.

На снимке был изображен прилизанный брюнет с большим, но довольно приятным лицом и широкой улыбкой, которая подпирала щеки, отчего его глаза делались похожими на щелочки.

У него пробор, как у Рудольфа Валентино, – заметила Наташа.

Надеюсь, ты не послала ему в ответ ту свою фотографию в бикини? – сердито спросила Ольга, отправляясь на кухню разбирать сумку с продуктами.

Не-ет, – заныла Ксюша. – Я хотела сделать ему сюрпри-из... Я ведь знаю, что я симпатичная! Вот бы он обалдел, когда увидел! А теперь... У-у-у!

Ау-у-у! – подхватила Клипса, и Ксюша в порыве благодарности прижала собаку к груди.

Но можно же, в конце концов, перенести встречу, – резонно заметила Наташа. – Договорись с ним на следующие выходные.

На следующие будет неинтересно! – шмыгнула носом Ксюша. – Никакой романтики. Сейчас-то он участвует в конференции, на которую съедутся бизнесмены. Будет все круто – банкет, номера в дорогой гостинице, подарки...

В гостинице?! – завопила с кухни Ольга. – Ты собиралась встречаться в гостинице с совершенно незнакомым мужиком?!

А что такого?! – в точности таким же тоном крикнула Ксюша. – И он не незнакомый!

Я рада, что у тебя заболело ухо, – рявкнула старшая сестра. – Даже не вздумай дергаться, я тебя не пущу. Кстати, Наталья, не хочу тебя расстраивать, но мне кажется, вон того типа, что прогуливается по тротуару, я сегодня уже видела. Когда записала офис.

Наташа стартовала с дивана и помчалась к ней. Клипса ринулась следом.

– Фу! – попыталась остановить ее Ксюша. – Это не мясо, Клипса! Не мясо!

Услышав любимое слово, Клипса истово завияла хвостом и принялась вертеться возле холодильника. Однако на нее, как это ни странно, не обратили внимания.

Высунув нос из-за куцей занавески, Наташа поглядела в окно и сразу же увидела человека, которого заприметила Ольга. Это был тощий сутулый юноша в джинсах и футболке, он медленно брел по тротуару. Дойдя до газетного киоска, он развернулся и пошел обратно.

– Караулит, – шепотом прокомментировала Ольга. – Наверное, следил за нами! Я видела, как он открывал банку пива на скамейке неподалеку от моей конторы. Пиво выплеснулось, он громко чертыхнулся, поэтому я на него посмотрела.

Наташа задрожала. Тощего парня она тоже видела. Еще возле офиса своей фирмы, утром. Михалыч довел ее до двери и проводил внутрь. А этот тип курил сигарету и бросил ее в урну, не загасив. Наташа тогда подумала, что мусор сейчас загорится.

– Меня убьют! – простонала она, отняв руку от губ, и Клипса немедленно «заняла позицию», приготовившись подвывать. – Меня пырнут ножом в печень, и я скончаюсь, не приходя в сознание.

– Ау-у! – подтвердила Клипса ее худшие опасения.

– Давайте вызовем милицию! – предложила Ксюша, появляясь на пороге. – Пусть они хотя бы просто проверят у него документы. Он испугается и отстанет.

– Маньяки никогда не отстают, – мрачно заметила Ольга.

Ксюша выглянула в окно и сказала:

– Он не похож на маньяка.

– Маньяки никогда не бывают похожи на маньяков, – дрожащим голосом заметила Наташа. – По внешнему виду их невозможно вычислить. Поэтому они так трудно ловятся.

– Тебе немедленно нужно препятаться! – заявила Ольга. – Здесь ты уже засветилась.

– Но куда я пойду?!

– Я знаю! – Подруга хлопнула себя по лбу. – Ты отправишься на встречу с таинственным Романом вместо Ксюши. Он же не знает ее в лицо! Спокойные выходные тебе обеспечены. А там что-нибудь придумаем.

– С ума сошла! – закричала ее младшая сестра.

– Да ты сбрендил! – одновременно с ней воскликнула Наташа. – Ксюшке двадцать два года, не забыла? Я на десять лет ее старше! У этого Романа будет шок.

– Да и фиг с ним, – легкомысленно заявила Ольга. Ее глаза горели так азартно, как будто она только что выиграла целую гору фишек в казино «Голден Пэлэс». – Когда Сева Шевердинский встретился с той своей престарелой теткой, он, конечно, разозлился и даже слегка ее потрепал, но ведь не убил же!

– Я против! – заявила Ксюша и топнула босой ногой. – Это мой перспективный кадр!

– Ты что, хочешь, чтобы зарезали мою лучшую подругу? – накинулась на нее Ольга. – Немедленно рассказывай, о чем вы договорились с этим кадром.

– Смотрите! – страшным шепотом перебила их Наташа и ткнула пальцем в окно.

Возле тощего юноши остановилась задрипанная «девятка», и он, наклонившись к окошку водителя, начал что-то быстро говорить, мотнув головой в сторону их подъезда. Невозможно было разглядеть, кто сидит за рулем.

– Похоже, что наш «хвост» докладывает кому-то обстановку, – предположила Ольга. – Получается, это никакой не маньяк! Маньяк всегда действует один. А тут, выходит, целая шайка.

– Зачем какой-то шайке убивать Наташ Смирновых?! – взывала перепуганная до смерти Наталья.

– Ау-у! – поддержала ее Клипса, нервно переступая передними лапами.

– Мало ли! – засомневалась Ксюша.

– Возможно, это страшно таинственная и чертовски запутанная история. Связанная с наследством, например, – позволила себе пофантазировать Ольга. – Какой-нибудь старый хрыч, проживающий в Австралии, разыскивает праправнучку Наташу Смирнову, чтобы передать ей свои миллиарды. А подлые родственники его четвертой жены хотят ему помешать. В том случае, если Наташи Смирновой не окажется в живых, наследство отойдет к ним.

– О! – завела глаза к потолку предполагаемая праправнучка. – За миллиард меня точно укокошат, тут и говорить нечего.

– Ав! – напомнила о себе Клипса.

– Дай ей сосиску, – велела Ольга сестре. – Иначе она будет встречать в разговор до тех пор, пока кто-нибудь из соседей не начнет колотить по батарее.

Ксюша полезла в холодильник и, одарив собаку молочной сосиской, сделала руки в боки:

– Ну-с, надо готовиться к свиданию.

– А чего к нему готовиться? – пожалала плечами Ольга. – Оделась да пошла.

– Вы обе тронулись! – закричала Наташа. – Хотите, чтобы я поехала в гостиницу и там убила наповал Ксюшкиного кадра?!

– Ну надо же тебя куда-то сплавить. Знаешь, мне что-то не хочется за тебя отвечать.

– Но у меня отпуск – двадцать восемь календарных дней! Что дадут какие-то там выходные?

– Может быть, вы с Романом сразу поженитесь и ты переедешь к нему, – буркнула Ольга.

– О-о! – Наташа завела глаза к потолку.

– Ау! – неохотно подтвердила Клипса, на миг оторвавшись от сосиски. Она ела ее медленно, со вкусом, жмуря глаза, словно никогда не пробовала такой вкуснятины.

– Давай не будем забегать вперед, – предложила Ольга. – Обеспечим тебе укрытие хотя бы на субботу и воскресенье.

– И что для этого надо?

– Для этого надо каким-то образом смыть с тебя десять лет, – заявила Ксюша.

– Это невозможно.

Ольга поглядела на нее снисходительно и заметила:

– На свете нет ничего невозможного.

– Чтобы все было по-настоящему, – добавила Ксюша, – я дам тебе свой паспорт. Тебе ведь наверняка надо будет регистрироваться в гостинице.

– Придется дать взятку администратору, чтобы он опознал меня на фотографии.

– Сейчас пойдешь отпаришь физиономию, сделаем тебе маску из геркулесовых хлопьев, а потом настрогаем огурчиков на глаза.

– От огурцов не молодеют, Ольга! – возмутилась Наташа. – Только зря время тратить. Тут нужно что-то кардинальное. – Она подошла к зеркалу и, прижав ладони к щекам, натянула кожу. Глаза сделались «китайскими», а лицо девичьим.

– Ну... Таких результатов можно добиться только с помощью пластической операции! – протянула Ольга.

– Послушай, а что, если прихватить кожу вот тут, на скулах, какой-нибудь липучкой? – задумчиво проговорила Наташа. – Скотчиком, а? Скотч я прикрою воротником кофточки – и вперед!

– Только учти: ты будешь выглядеть, как мумия. Потому что не сможешь смеяться и поворачивать голову.

– Ну и ладно! Главное, произвести первое впечатление!

2

Первое впечатление она, безусловно, произвела. Начать с того, что на нее надели Ксюшины вещи – коротенькую юбочку, крохотную кофточку с высоким воротником без рукавов и модные туфли на шпильке с такими узкими носами, что они даже загибались вверх, как у старика Хоттабыча. Ходить в них было практически невозможно, поэтому процесс перемещения в пространстве происходил с трудом.

Как было оговорено, Наташа вошла в вестибюль гостиницы с цветком в руке. И немедленно к ней навстречу двинулось улыбающееся лицо Романа Ерискина. Далее за лицом следовали раскинутые руки и семенящие лаковые штиблеты.

– Неужели это ты? – спросил Ерискин высоким голосом. – Ксюшенька! Лапушка моя! Я был уверен, уверен, что ты красавица! Ну дай я на тебя посмотрю повнимательнее!

Он приблизился вплотную и, схватив ее за плечи мягкими руками, начал легонько вертеть туда-сюда. «Красавица Ксюшенька» соорудила улыбочку мороженой трески и глупо хихикнула. Настоящая Ксюша сказала, что девчонки хихикают, если волнуются. А волнуются они всегда, когда встречаются с мужчиной. «Господи боже мой! – подумала Наташа. – Неужели всего десять лет назад я могла волноваться, встретившись с такой рожей?»

Кавалер из Интернета произвел на нее удручающее впечатление. Нет, фотография не наврала: с виду он действительно оказался симпатичным, и пробор у него был в точности, как у Валентино. Однако ходил он на цыпочках мелкими шажками, приседая, словно подобострастный слуга, постоянно улыбался, делая глаза щелочками, отчего их было практически не разглядеть. Весь он был такой мягкий, пластилиновый, и когда к кому-то обращался, то застенчиво трогал собеседника указательным пальцем.

Как я рад, как я рад! – приговаривал он, приплясывая вокруг Наташи. – Наша дружба по переписке вселила в меня столько надежд!

«Хорошо, что Ксюшка не пошла на свидание! – подумала она. – Не думаю, что ей хотелось „подсечь“ именно такую рыбку».

Сейчас я отведу тебя в бар, ты посидишь, отдохнешь, – ласково увещевал ее Ерискин. – А я пока поработаю.

Кем? – тупо спросила Наташа.

Ну... Не думала же ты, что я – предприниматель?

Наташа, которая, говоря по правде, вообще ничего не думала, издала нечленораздельное восклицание.

Я – распорядитель! – гордо заявил Ерискин. – Все тут устраиваю для деловых людей. Ну и мне кое-что от них перепадает.

Понятненько, – кивнула Наташа. – И долго ты будешь... трудиться?

Вместо ответа Ерискин закатил глаза и шепнул:

– Я счастлив, что ты в нетерпении! Не волнуйся: у нас будет возможность вместе поужинать. А потом мы наконец уединимся...

Улыбка расплылась по его лицу, как кусок сливочного масла по горячей сковородке. Он весело зашкворчал и, достав из кармана ключ с биркой «двадцать четыре», покачал им перед Наташиным носом.

– И что это значит? – немедленно спросила та циничным «тридцатидвухлетним» голосом. – У нас один номер на двоих, что ли?

– Ты рада?

– Безумно, – буркнула Наташа.

Лезть в одну постель с этим шутом гороховым ей вовсе не хотелось. Она непроизвольно обернулась к стеклянной двери, проверяя путь к отступлению... И задохнулась от ужаса! На

улице прямо перед входом в гостиницу стоял ее «хвост» все в тех же джинсах и той же футболке, а рядом с ним тот страшный дядька, который приходил к ней на работу! Негодько – если, конечно, он не наврал. Они стояли друг против друга и о чем-то тихо переговаривались.

Выходит, Петя Шемякин был прав – охотятся за всеми без разбору Наташами Смирновыми и ликвидируют их!

– Караул! – одними губами произнесла Наташа.

Что делать? Насколько она разбиралась в людях, обращаться к Ерискину за помощью бессмысленно. Он в восторге от нее до тех пор, пока она не доставляет ему неприятностей. Но стоит выбить его из седла, как он немедленно от нее отбоярится.

Она быстро обернулась к перспективному Ксюшиному кадру, хрипло спросив:

– А я могу прямо сейчас подняться в номер?

– Ну, понимаешь... – заюлил тот. – Прежние постояльцы еще не выехали. Через два часа закончится их время, еще примерно час на уборку... Так что часика через три сможешь туда отправиться.

«Вот черт побери! – вознегодовала про себя Наташа. – Хорош гусь!» Вслух же сказала:

– Тогда пойдем, куда ты там хотел меня отвести?

– В бар, – охотно ответил он.

Я мечтаю попасть в бар. Надеюсь, там темно?

– Ну... Не то чтобы темно... – уклончиво ответил тот.

– Но хотя бы сумрачно? – пристала Наташа.

– Ты будешь там без меня, поэтому – какая разница? Полумрак я устрою потом, если ты захочешь.

– Я захочу! – опрометчиво заявила она. – Я очень даже захочу!

Ерискин завел ее в бар и шутливо предупредил:

– Не пей горячительных напитков – подожди до вечера, хорошо? И, конечно же, я оплачу твой счет, – спохватился он. После чего с большой неохотой ретировался.

Наташа тотчас метнулась к стойке, где сидела поглощенная друг другом парочка и мужчина лет сорока в хорошем костюме и щегольских ботинках.

Наташа давно отвыкла от мини-юбок, поэтому когда вошла на табурет, ее коленки торчали в разные стороны, как у паука-сенокосца. Сосед повернул голову и посмотрел на нее. На его равнодушной физиономии, подобно двум лягушкам в пруду, жили два холодных зеленых глаза.

– Мне, пожалуйста, коньяк. – Наташа улыбнулась бармену трогательно, как бедная сиротка, попросившая денежку у незнакомого дяденьки.

Сказать по правде, она себя именно так и чувствовала – сироткой, за которой гонятся серые волки. Получив свой коньяк, Наташа сделала глоток, обернулась... и увидела Негодько, который как раз входил в дверь. Он отыскал свою жертву и впился в нее глазами.

От ужаса Наташа подскочила, уронила сумочку на пол, сползла с табурета и, сев на корточки, сжалась в комочек. Через некоторое время ее сосед нетерпеливо пошевелил ногой и спросил сверху:

– Эй, дама, с вами все в порядке?

– В полном, – соврала Наташа и встала в полный рост – красная и недовольная.

Надо же, он назвал ее дамой! Мог бы сказать – «девушка». В конце концов, именно сегодня она рассчитывала на то, что выглядит на двадцать два.

В тот же миг позади нее раздался резкий оклик:

– Фекла Валерьяновна!

Наташа решила ни за что не сознаваться, что она – это она. Приосанилась, сделала гордое лицо и, медленно обернувшись, уставилась в глаза своему преследователю. К ее ужасу, он снова полез в карман, и тогда она быстро сказала:

– Вы ошибаетесь, любезный! Я никакая не Фекла и уж тем более – не Валерьяновна! Какая я вам Фекла Валерьяновна? Ха-ха!

Ха-ха! – сердито повторил за ней Негодько. – Очень смешно. Ну вот что, госпожа Серохвостова, хватит ломать комедию!

Зеленоглазый тип вместе с глотком спиртного поспешно проглотил ухмылку. Фамилия Серохвостова пришлась ему по душе.

Да какая я вам Серохвостова?! – ненатуральным тоном заявила Наташа.

На самом деле я в курсе, что вы Смирнова, – тотчас отозвался Негодько. – Вы намеренно ввели меня в заблуждение.

Какие-то проблемы? – полюбопытствовал бармен, появляясь возле них, словно бесплотный дух.

Никаких проблем! – угрожающим тоном ответил Негодько.

Гражданин перепутал меня с какой-то Серохвостовой! – быстро сообщила Наташа. – Пристал как банный лист: подавай ему Феклу Серохвостову! В крайнем случае – Наталью Смирнову. Тогда как я на самом деле – Ксения Кушакова.

Да что ж вы врете-то? – Негодько налился багровой ненавистью.

Я никогда не вру! В моем паспорте черным по белому написана моя фамилия – Кушакова.

Покажите! – ее мучитель выпятил подбородок и широко расставил ноги, словно собирався драться.

– Вот! – сказала Наташа, добыв из сумочки одолженный документ и сунув его под нос Негодько. – Съели?

– Вы что, рецидивистка? – угрюмо поинтересовался тот и немедленно воскликнул: – И что это за фотография?!

– Чем она вам не нравится? – проворчала Наташа, ловко спрятав паспорт обратно в сумочку.

– Там сфотографирована хорошенькая девушка!

– Ну вы и хам! – искренне возмутилась Наташа. – Так меня оскорбить!

– Я вас не оскорбляю! Но на фотографии в вашем паспорте – вовсе не вы. Кто это там сфотографирован?

– Могу вас заверить, что не Серохвостова, – желчно ответила она.

– Да что вы мне мозги канифолите?!

– Это не я вам, а вы мне канифолите! Разве я спрашиваю у вас, кто фотографировался на ваш паспорт – Рябчиков или Чернопрюкин?

– Какой Чернопрюкин? – оторопел Негодько. – Кто это еще такой?

– Это никто, это просто пример!

– Зачем вы меня путаете?

В этот момент в кармане у Негодько зазвонил телефон. Он выхватил его молниеносным движением и прижал к уху. Послушал несколько секунд и немедленно бросился вон из бара, крикнув на ходу:

– Мы с вами еще встретимся!

– Жду не дождусь, – пробормотала Наташа и одним большим глотком допила коньяк.

Ей было страшно. Во время разговора она взмокла и теперь обмахивалась ручкой, как какая-нибудь впечатлительная дамочка на просмотре фильма «Нашествие помидоров-убийц». Тип, который сидел по левую руку и прослушал весь «концерт», изо всех сил делал вид, что он глух и нем. Впрочем, зеленый глаз постоянно косил в сторону Наташи, и она это прекрасно видела. Ясное дело, что ему любопытно! Любопытно – но не более того. Губы у незнакомца были узкие, безо всяких изгибов – бесчувственные. Маловероятно, что такой человек способен проявить интерес к женщине, попавшей в трудную ситуацию, и при случае совершить героический поступок, выручив ее из беды.

Прошла пара минут, и к барной стойке приблизился кто-то еще. Сначала Наташа увидела тень, упавшую на ее стакан, затем услышала сопение и непроизвольно съежилась. Однако переживала она совершенно напрасно. Рядом с ней обосновалась незнакомая женщина лет тридцати – невысокая и полненькая, с розовыми щечками и решительно сжатыми губами.

Окинув ее быстрым взглядом, Наташа успокоилась и заказала вторую порцию коньяка. И вдруг розовощекая дама повернула голову и громко спросила:

– Вы его девушка?

– Нет! – испуганно ответила Наташа, подумав почему-то про зеленоглазого.

– Слава богу! – от облегчения ее соседка немедленно потеряла форму и расплылась по табурету, подобно плохо взбитому безе в жаркой духовке. – Ах, как я расстроилась, когда увидела вас вместе! Он мне сразу же безумно понравился.

Наташа нетерпеливо поерзала и покосилась на зеленоглазого. Он по-прежнему делал вид, что разговор его не касается.

– Видите ли, – продолжала розовощекая, – мы работаем вместе. Он устраивает для гостей быт, а я – праздники.

«Он – это Ерискин, – пронеслось у Наташи в голове. – Неужели этот тип и в самом деле может разбить женское сердце?»

– Кстати – меня зовут Тося.

Она протянула маленькую ручку, и Наташа с глупым выражением лица ее пожала.

– С тех пор как мы встретились, я мечтаю о нем денно и ночью! – переходя на шепот, поведала Тося. – Так, значит, вы не его девушка?

– Ну что вы! Как вы могли подумать! – воскликнула Наташа, не уточняя, впрочем, кто же она такая есть. – Теперь-то я понимаю, для кого Роман решил устроить романтический вечер при свечах! То есть без свечей.

– Что? – ахнула Тося, покраснев. – Вечер? Со мной? Но он ничего мне не говорил!

– Еще скажет! – пообещала Наташа, прикидывая, как использовать снятый Ерискиным двадцать четвертый номер к всеобщему удовольствию. – Мы с ним хорошие друзья, – приврала она. – Он мне рассказывает буквально все, что у него на сердце.

Наташа обратила внимание на то, что зеленоглазый окончательно потерял интерес к происходящему и повернулся к ним спиной. Это была широкая спина, за которой, наверное, приятно прятаться. Когда окрыленная Тося упорхнула, Наталья закинула ногу на ногу и подперла щеку кулаком. Две порции коньяку на голодный желудок сделали свое дело – страх не то чтобы исчез, но как-то съежился и потерял остроту. «Неужели, – подумала Наташа, – мне не удастся ускользнуть от убийц? Да это мне раз плюнуть!».

– Эй! – Наташа протянула руку и ткнула зеленоглазого в плечо указательным пальцем. – Вы ведь тоже попадали в трудные ситуации?

Он нехотя обернулся и посмотрел на нее в упор. Потом переломил бровь и признался:

– В такие, как вы – никогда.

– Значит, совет вы дать не можете...

Отчего же? Советую вам жить под одной фамилией. Вот увидите, насколько все станет проще.

– Почему вы на меня так смотрите? – спросила Наташа, поймав на себе его испытующий взгляд.

– Пытаюсь понять, что это у вас такое, – пробормотал тот. – Жабры? Вот здесь, – он постучал себя за ушами.

– Зачем вы выдумываете? – надулась Наташа, которая насмерть забыла, что пыталась сделать из себя Клеопатру при помощи скотча. – Я ведь не треска.

– Не знаю, не знаю, – пробормотал он. – Выглядит чертовски странно. Когда вы разговариваете, оно хлопает. И еще шуршит.

– Ах, черт побери! – всполошилась Наташа и, бросив сумочку на стойку, принялась приводить себя в порядок.

В ту же минуту появился бармен и испуганно спросил у зеленоглазого:

– Что, дама перебрала?

– С чего вы взяли? – равнодушно поинтересовался тот.

– Но она отрывает от себя куски кожи!

– Не говорите глупостей! – сердито сказала Наташа, продолжая свое занятие. – Это всего лишь лейкопластырь. Я заклеивала сыпь, которая выскочила у меня утром. Приобрела, видите ли, новый крем от морщин. Сто раз обещала себе, что буду пользоваться только хорошей импортной косметикой, но опять не удержалась. Купила отечественную «Русалочку» и немедленно покрылась какой-то зеленой плесенью.

В ответ на эту тираду бармен и зеленоглазый с пониманием переглянулись. Тут в бар забежал Ерискин и, метнувшись к стойке, схватил Наташу за руку.

– О! – сказал он. – Не могу дождаться ночи.

Зеленоглазый переломил вторую бровь и принялся постукивать ногой по барной стойке.

– Для того, чтобы все получилось, как надо, – заявила Наташа, понизив голос, – ты должен обратиться к специалисту.

– Вообще-то у меня и так все в порядке, – зарумянившись, признался Роман.

– Я имею в виду – к специалисту по устройству романтических вечеров. Ты ведь знаешь Тосю?

– Ну да... А чем она может помочь?

– Да всем! – пожала плечами Наташа. – Она может подготовить номер для того, чтобы наша встреча оказалась незабываемой.

– Но ты же хотела полумрака, – робко напомнил Ерискин.

– Полумрак тоже бывает разный. Бывает дешевый, глупый полумрак. А бывает дорогой, хорошо продуманный.

– Ну ладно... Если ты так хочешь... Я поговорю с этой Тосей. Пусть она действительно займется нашим номером...

– Не беспокойся, я уже договорилась. Тебе осталось только передать ей ключ.

– Конечно, конечно, – пробормотал Роман и спросил у зеленоглазого: – У вас все нормально? Ничего не нужно?

– Спасибо, все хорошо, – успокоил его тот и небрежно похлопал по плечу.

– Значит, вы бизнесмен, – констатировала Наташа, повернувшись к зеленоглазому, когда Ерискин в очередной раз улетучился. – Один из тех, для кого все здесь организовано по высшему классу.

– Вас это задевает?

– Ну что вы! Если не секрет: куда вы сейчас пойдете?

– К себе. Приму душ перед банкетом. А что?

– А какой у вас номер комнаты? – не отставала Наташа.

– Хотите заглянуть?

– Почему бы и нет? – легкомысленным тоном спросила она.

– Вообще-то мне не нужны услуги... гм... такого рода.

– А самому оказать услугу и сопроводить девушку на второй этаж? – поинтересовалась Наташа, не сообразив, как сильно ее оскорбили.

– Всегда пожалуйста, – галантно сказал зеленоглазый и с усмешкой подставил локоть.

– Как вас зовут?

– Афанасий Афанасьевич.

– Как Фета, – пробормотала она, и зеленоглазый неопределенно хмыкнул.

Они под руку вышли из бара и по узорчатой дорожке направились к лестнице, которая мраморным водопадом скатывалась со второго этажа.

– «Сядем здесь, у этой ивы», – неожиданно сказала Наташа.

– Простите? – Зеленоглазый наклонил голову, думая, что плохо расслышал.

– «Что за чудные извивы»...

– А?

– «На коре вокруг дупла! А под ивой как красивы золотые переливы струй дрожащего стекла!» – закончила декламировать Наташа. – Дорогой мой, это Фет. Надо знать своих однофамильцев!

– Фамилии у нас разные, – надулся он. – А вот и мой номер. Так что... Желаю вам удачи! Да, кстати. У того типа, с которым вы поссорились в баре и которому паспорт показывали, под пиджаком пистолет. Будьте с ним осторожны.

Он невежливо высвободил руку, отпер дверь и вошел, ни разу не взглянув на Наташу, которая осталась столбом стоять в коридоре. Вот тебе и раз. Выходит, этот Негодько вооружен и очень опасен?! И вооружен не каким-то там ножом, а пистолетом. Ого! Кажется, ее акции повышаются. В нее будут стрелять, вот так вот. Коньяк, прямо скажем, мешал ей мыслить здраво, но и не позволял удариться в панику. Интересно, а этот Афанасий абсолютно уверен насчет пистолета?

– Простите! – крикнула она, потянув на себя захлопнувшуюся дверь.

На табличке значились цифры: «двадцать пять». А Ерискин показывал ей ключ от двадцать четвертого номера. Выходит, они соседи.

В комнате зеленоглазого уже не было, зато в душе шумела вода, и хозяин пел, здорово фальшивя, но очень громко и с чувством: «Гуд бай, май ла-ав, гу-уд ба-ай!» Наташа хотела было ретироваться, когда в конце коридора раздались голоса. Тембр голоса проклятого Негодько она узнала сразу же и от испуга едва не подпрыгнула. Пришлось войти к зеленоглазому и переждать за дверью.

«Да уж чего там, – успокаивала она себя. – Он даже не заметит! Пока он будет мыться, я сто раз уйду». Однако уйти не получилось, потому что Негодько застрял где-то посреди коридора и все бубнил и бубнил – и ей ничего не оставалось, как стоять и переминаясь с ноги на ногу. Наверное, он выяснил, что ее пригласили в двадцать четвертый номер, и подкарауливает. А может быть, дает указания тому парню, которого она окрестила «хвостом».

Вода в душе тем временем перестала течь, и Наташа поняла, что придется прятаться. Самым привлекательным местом ей казались портьеры – тяжелые и плотные, словно театральный занавес. Она нырнула туда и затаила дыхание. В конце концов, близится ночь. Шторы в это время суток задерживают, а уж никак не наоборот! Так что ее вряд ли обнаружат.

В дверь тем временем постучали, и зеленоглазый вышел из душа совершенно голый. Наташа увидела его в щелочку между занавесками и икнула от неожиданности.

– Кто там? – крикнул он, быстро поглядев в сторону окна.

Наташа зажала рот двумя руками.

– Дюшенька, это я! – отозвался низкий женский голос. – Ты меняпустишь?

«Интересно, – подумала Наташа, – от чего образовано это имечко? Дюшенька! Надо же такое придумать».

Зеленоглазый вернулся в ванную комнату, схватил халат и накинул на себя. Потом подошел к двери и рывком распахнул ее. На пороге выросла высокая брюнетка в коротком платье. У нее был прямой решительный нос, норковые брови, большой рот с чувственными губами и продолговатые блестящие глаза, похожие на створки раковин.

– Дюшенька! – повторила она, грациозно проследовав к дивану и устроившись на нем. – Извини, что я без предупреждения, но нам надо поговорить.

– Как ты узнала, Алиса, что я здесь? – спросил зеленоглазый, и по его тону было совершенно непонятно, рад он ее внезапному появлению или нет.

– Ты же деловой человек, – пожала плечами она. – И всегда находишься в зоне досягаемости.

– В настоящий момент я отдыхаю, Алиса. Впервые за несколько лет я просил меня не беспокоить. Всего два дня.

Ой, только не надо мне выговаривать! – разозлилась брюнетка. – Все это очень важно. В первую очередь для тебя.

– Я и не отрицаю, что это важно.

У Наташи внезапно защипало в носу. Она изо всех сил принялась тереть переносицу и неожиданно громко хрюкнула.

– Послушай, Дюшенька, – просительно пропела Алиса, не обратив внимания на посторонний звук. – Ты ведь не до конца уверен.

– Нет, до конца, – уперся зеленоглазый. – До конца, Алиса. Ты приехала меня уговаривать, да? Пустишь в ход свои чары?

– Как глупо ты надо мной смеешься. Учти, Дюшенька, я ведь могу рассердиться и все ей рассказать.

– Да на здоровье! – независимым тоном ответил он. – Рассказывай, что хочешь, мне все равно.

Однако, когда брюнетка поднялась и, не говоря ни слова, вышла за дверь, он с размаху швырнул диванную подушку в стену и крикнул:

– Ах ты гадина! Сволочь! Мерзавка!

Прежде чем успокоиться, он проскрипел зубами целую симфонию. Побегав некоторое время по комнате, зеленоглазый наконец вошел в свой шикарный костюм и удалился, заперев номер на ключ. Такого поворота событий Наташа не ожидала. Она подскочила к двери и прильнула к ней всем телом. И немедленно услышала слащавый голос Ерискина.

– Вот что, Тося, – вкрадчиво говорил он где-то слева: вероятно, на пороге своего двадцать четвертого номера. – Моя подруга сообщила, что ввела вас в курс дела...

– Да, – пискнула Тося и вздохнула громко и томно.

– Сначала я не хотел к вам обращаться, – продолжал он, – но потом решил: какого черта! Приключение должно быть запоминающимся! – Несмотря на браваду в голосе, было ясно, что Роман сильно смущен. – Единственное, что меня беспокоит: не смутит ли вас заниматься таким... интимным делом.

– Да что вы, Рома! Я ничего не имею против интима. Рада, что вы все-таки выбрали меня. Вы не пожалеете! Эта ночь вас потрясет, обещаю.

– Тося, вы – чудо, – пробормотал глупый Ерискин. – Вот вам ключ от номера. Подготовьте все к одиннадцати. Пусть в номере будет шикарно и темно.

– Шикарно и темно... – словно заклинание повторила Тося и простучала каблучками по коридору.

Слушать оказалось больше нечего, и Наташа метнулась к окну. Ее «хвост» болтался возле черного хода, подпрыгивая и потягиваясь – вероятно, пытался прогнать сон. «Как же я отсюда выберусь?» – испугалась Наташа. Некоторое время она размышляла, потом позвонила в справочную и узнала номер телефона своего родного отделения милиции. Записать было нечем, и она несколько раз повторила его вслух, чтобы не забыть.

– Дежурный Парамонов, – представился ей невидимый сотрудник милиции глухим от усталости голосом. – Говорите.

– Говорю! – отозвалась Наташа. – Меня зовут Наталья Смирнова. Ну... Наверное, вы знаете... Меня хотят убить.

– Хорошо, – сказал Парамонов. – Кто вас хочет убить?

– Один мерзкий тип. Такой короткий и толстый, с маленькими глазками. Представляется как Негодько, но на самом деле я не знаю, какая у него настоящая фамилия.

– Как вы сказали? – удивился Парамонов.

– Негодько! – повторила Наташа. – У него пистолет, клянусь! Он хочет меня застрелить! А может быть, зарезать. Ножом в живот. Вы ведь не станете отрицать, что на вверенной вам территории убивают всех подряд Наташ Смирновых ножом в живот? Так вот. Мне кажется, в моем случае это будет пуля. А может, и не пуля. Но виноват в этом Негодько.

– Вы себя хорошо чувствуете? – подал голос Парамонов. – Прекратите валять дурака и не занимайте линию.

Наташа в немом изумлении поглядела на телефонную трубку, из которой неслись короткие гудки. От возмущения у нее отнялся язык. В этот момент где-то наверху заорало радио. Миллион слов, выдаваемых диджеем в минуту времени, был прерван музыкальными аккордами, и Олег Газманов вдохновенно запел:

«Ты служишь украшением стола,
Тебя, как рыбу к пиву, подают.
Любой, кто заплатил, имеет все права.
И вот ночную бабочку ведут.
«Россия», «Космос» и «Континенталь» –
Твои любимые охотничьи места.
Шампанское, икра и запах сигарет –
На все готов очередной клиент.
Путана, путана, путана...
Ночная бабочка, ну кто же виноват?
Путана, путана, путана...
Огни отелей так заманчиво горят».

Наташа услышала шаги и покашливание. В дверь осторожно вставили ключ... и очень медленно повернули. Хозяин вряд ли стал бы входить так осторожно. Что, если это Негодько?! Видел, как Наталья проскользнула в номер, дождался, пока она останется здесь одна, и решил наконец-то с ней разделаться?

Наташа быстро убрала графин со стаканом и, взяв в руки увесистый поднос, приподнялась за дверью. Как только дверь распахнется... Она встала на цыпочки и подняла поднос над головой, чтобы удар оказался посильнее.

Дверь распахнулась и... Бэмс! Наташа опустила поднос прямо на голову зеленоглазого. Он посмотрел на нее диким взглядом, сделал несколько вальсирующих движений по комнате, закатил глаза и мешком свалился на пол. В коридоре тем временем послышались голоса. Инстинкт самосохранения заставил Наташу притворить дверь. После этого она хлопотала возле пострадавшего. Мокрое полотенце быстро привело его в чувство.

– Это снова вы! – слабым голосом сказал зеленоглазый и застонал: – Какого черта вы на меня напали? Кто вы такая? Я сейчас вызову охрану...

– Не надо! – испугалась Наташа. – Я... Э-э-э... Я – ночная бабочка. В смысле – путана. Я подумала, что наша с вами встреча должна стать запоминающейся.

– Вы своего добились, – прокричал тот, поднимаясь на ноги и плюхаясь на диван. – Я вас хорошо запомнил. А теперь признавайтесь – зачем вы забрались ко мне в номер? Я ведь вас не вызывал. У меня совершенно нет желания развлекаться. Тем более что вы уже совсем немолоды, то есть не совсем молоды... – Он помолчал и пропросил: – Дайте воды! Так что вы тут делаете?

– Видите ли, Афанасий, – сказала Наташа, сделав трагическое лицо. – Я хоть и женщина легкого поведения, но все же человек! Я у вас тут спряталась на время. Чтобы передохнуть, выплакать слезы... Иногда такая тоска нападает...

– Н-да? – не поверил зеленоглазый. – Отчего же?

– Меня, верите ли, унижают, топчут мое женское достоинство. Подают клиентам ну просто как рыбу к пиву! – горячо заговорила Наташа, которая знала о путанах только то, что пишут в газетах. – Любая сволочь, которая заплатила деньги, имеет на меня все права.

– Зачем же вы, лапочка, влезли в этот бизнес? Сидели бы себе в фотомастерской, принимали пленки «Кодак» на проявку. Или торговали бижутерией в «Рамсторе» или квасом на рынке. Мало ли спокойных профессий!

– Видите ли, Афанасий! – глубокомысленно изрекла Наташа. – Вы забываете о том, как богатая обстановка развращает юную девушку. Шампанское, икра и запах сигарет... Очередной клиент готов ради меня буквально на все. Буквально. Да и огни отелей, знаете ли, так заманчиво горят...

Зеленоглазый потрогал затылок и помотал головой.

– Надеюсь, приступ хандры прошел и вы наконец оставите меня в покое.

– Хорошо-хорошо, – сказала Наташа. – Можете вызвать для меня такси.

– Чего его вызывать? – поинтересовался зеленоглазый. – Выходите на улицу, швейцар мигом организует вам машину.

– Тогда проводите меня, – непреклонным тоном заявила Наташа.

– Пошли вы к черту! – неожиданно рассердился он. – Не буду я вас провожать, я на банкет опаздываю!

– Тогда я у вас переночую.

– На здоровье. Только не ложитесь в постель, я не сплю с кем попало. Впрочем – ложитесь. Вряд ли я появлюсь до утра.

И он действительно так и не появился, и Наташа выпалась на его кровати, хотя была уверена, что ей не удастся даже задремать. Она старалась не думать о том, что там произошло в двадцать четвертом номере. По крайней мере, звуков борьбы и возмущенных воплей она не слышала. Утром швейцар усадил ее в такси, и, постоянно оглядываясь назад, она через некоторое время прибыла к подруге Ольге. Никаких подозрительных машин у нее на хвосте не висело, что было, в общем-то, удивительно.

После того как Наташа сбивчиво рассказала Ольге обо всем, что с ней случилось, ее подруга впала в уныние.

– И что же мне с тобой делать? – бормотала она, расхаживая по комнате в пижаме. – Что я могу? Я ничего не могу.

– А Роман подвоха не почувствовал? – допытывалась Ксюша. – Если бы он мне вместо себя кого-нибудь подсунил, я бы сразу догадалась! А он, выходит, не догадался, что переписывалась с ним совсем не та девушка, которая пришла на свидание.

– Ав! – подтвердила Клипса, которая готова была соглашаться с каждым, кто кормит ее сосисками.

– Ой, нет, я кое-что все-таки могу! – неожиданно закричала Ольга. – Могу устроить тебя на временную работу!

– Только не предлагай мне чистить унитазы, я умру от унижения, – предупредила Наташа.

Какая разница, чем заниматься! Ты так скроешься, Наталья, тебя ни одна собака не найдет! У меня вакантных мест – миллионы куч. Давай-ка быстренько поедem ко мне в офис и залезем в базу данных.

И они действительно поехали и залезли. Просидели за компьютером два часа, но не нашли ничего подходящего. В больших количествах требовались только няни к маленьким мальчикам и девочкам.

– Неужели нет никакой временной работы без младенцев? – вознегодовала Наташа. – Я менеджер по продажам! Опытный. И у меня в активе два языка.

– Интересно, почему ты выступаешь? – отрезала Ольга. – Ты слишком привередлива: унитаза, вон, мыть не хочешь! Сейчас люди с двумя языками чем только не занимаются! И коней объезжают, и камины кладут.

Она прошла по комнате, потянувшись и вдруг стукнула себя по голове кулаком.

А мужик-то? – неожиданно завопила она. – Тот мужик со странностями!

Наташа немедленно насторожилась. В ее жизни мужиков со странностями было хоть отбавляй, иметь еще одного в качестве работодателя она не хотела.

– Слушай, Наталья! Нас тут донимает один тип. Ничего такого, кандидат наук, книжки пишет. Короче – книжный червь.

– И что? – поинтересовалась та, склонив голову к плечу, словно Клипса, которой подавали неподвластные ее собачьему уму команды.

– Ему нужна помощница для составления какого-то каталога. Или архива. Надо брать бумажки, вводить текст в компьютер и сортировать по темам. Он тебе все объяснит. Правда, есть одна загвоздка...

Ольга помолчала, прикусив губу, и некоторое время разглядывала свои туфли.

– Ты говори, говори, – подбодрила ее Наташа ироническим тоном. Она уже поняла, что с этим кандидатом что-то нечисто.

– Думаю, у него чертовски ревнивая жена. Какая-нибудь ведьма, которая может подсыпать тебе в суп мышьяку или запустить в постель гремучую змею, если вообразит, что ее благоверный на тебя засматривается.

– Отлично, – пробормотала Наташа. – Мне везет. Но с чего ты это взяла? Он сам тебе сказал про ревнивую жену?

– Нет. – Ольга достала откуда-то папку и, ловко перетасовав бумажки, словно картежник колоду, выхватила одну и потрясла ею в воздухе. – Вот. Покровский Андрей Алексеевич. Он хочет помощницу. Несексуальную. Помнится, на словах он говорил, что ему нужна умная и несимпатичная женщина. Такая, что возбуждает только мысль, не затрагивая тела.

– Почему бы в таком случае ему не нанять помощника-мужчину?

– Черт его знает! – развела руками Ольга. – Возможно, Андрей Алексеевич действительно связан узами брака и боится, что мужчина «с проживанием» соблазнит его хорошенькую жену. Как бы то ни было, это для тебя отличный шанс. Работа чистенькая, бумажная, еда, дом за городом. Там тебя точно никто не найдет! Приступить можно хоть сегодня, это тоже плюс. Один телефонный звонок – и вперед. Правда, есть одна загвоздка, – повторила она.

Еще одна? – возмутилась Наташа, представившая себе кандидата наук Покровского въедливым типом с козлиной бородкой и в круглых очках.

Это все та же загвоздка, Наталья! Ему нужна несимпатичная женщина. Несексуальная. И даже не вздумай кокетничать! – предупредила она, заметив, что подруга открыла рот, чтобы возразить. – Может, ты и не красавица, но и не уродка. И ты безумно, безумно обаятельна! Даже не знаю, что ты можно сделать.

Наташа подошла к большому зеркалу в углу кабинета и критически оглядела себя.

Ничего такого, из-за чего стоит переживать, – сообщила она после некоторого раздумья.

У тебя стрижка элегантная, – заметила Ольга. – Как у Одри Хэпберн в фильме «Двое в пути».

Спасибо, – сказала Наташа и продолжила: – Нос и рот обыкновенные, щеки пухлые, глаза маленькие, но дикие.

Ты ведь знаешь, что женщину делают туфли и прическа, – напомнила ей Ольга. – Давай ты наденешь кеды и пострижешься налысо. Деми Мур, вон, уже несколько лет ходит лысая и ничего!

Да? – возмутилась Наташа. – Если все утрясется и я лысая выйду на работу, меня неправильно поймут! Меня даже могут в должности понизить, я ведь работаю с людьми.

– Да ладно тебе, обростешь за три недели! Кроме того, лучше жить лысой, чем умереть хорошо причесанной.

– Не каждая женщина с тобой согласится, – буркнула Наташа.

Воодушевленная, словно спортсмен перед олимпийским забегом, Ольга позвонила Покровскому и провела с ним рекордно короткие переговоры.

– Он будет ждать тебя сегодня вечером! – сообщила она тоном старой натасканной секретарши, выполнившей сложнейшее задание любимого босса. – Он рад, что я подыскала ему помощницу. Нет, он правда рад. Воодушевился ужасно. Поэтому, Наталья, ты не должна ударить в грязь лицом.

Они отправились в парикмахерскую и объяснили, чего хотят. Мастерница попыталась было высказать свое мнение, но Наташа тут же нашлась:

– Видите ли, я актриса, – сказала она, развалившись в кресле. – У меня новая роль, и я должна быть почти лысой. Такой крохотный ежик, пожалуйста. Пятимиллиметровый.

– А разве вы не используете парики? – поинтересовалась парикмахерша, оборачивая Наташу простынкой.

– Я всегда вживаюсь в роль по-настоящему. Лысая так лысая.

Когда Ольга увидела стриженую подругу, то принялась сгибаться пополам и клокотать, словно кипятилок в кастрюле.

– Класс, – сказала Наташа, поглаживая голову по бритому затылку. – Чувствую себя как подрезанный куст.

– Теперь обувь! – напомнила Ольга.

Они завернули в спортивный магазин и купили матерчатые красно-синие тапочки отечественного дизайна с широкими белыми шнурками. Тапочки выглядели столь пугающе, что прохожие еще издали начинали глазеть на Наташины ноги.

– Отлично! – потерла руки Ольга. – Сейчас мы покажем тебя Шевердинскому, что-то он скажет?

Сева Шевердинский был страшным, как тяжкий грех, однако в качестве компенсации господь наградил его высоким ростом и светлым чубом. Поэтому женщины осаждали Шевердинского, и он против воли сделался повесой и ловеласом.

Оцени, Сева, новый облик моей подруги! – сказала Ольга, зазвав его к себе в кабинет. – Повернись, Наталья. Нам хотелось, чтобы она выглядела не слишком... м-м-м... женственной.

Наташа послушно покружилась вокруг своей оси и спросила:

Ну как?

Очень сексуально, – сказал Шевердинский, помяв подбородок.

Господи! – закричала расстроенная Ольга. – Что в ней сексуального, Сева?! Лысая женщина в тапках!

Ну... – застеснялся тот. – Круглая попка, лодыжки такие... симпатичные. Шейка аппетитная.

Ольга выгнала Шевердинского и принялась деловито выхаживать по кабинету, не спуская с Наташи глаз:

Он просто маньяк, Наталья. Выглядишь ты хуже некуда. Хотя... Попа действительно как-то выпирает. И ноги лучше скрыть совсем. Знаешь что? Пойдем купим тебе другое платье – подлиннее и помешковатее.

Наташа послушно поплелась за подругой в магазин. Они зашли в отдел женской одежды и мгновенно подыскали то, что нужно – сарафан до полу с обвисающей грудью. Он был нездорового зеленого цвета с разбросанными тут и там серыми горошинами.

– Даже в мечтах я не видела такой прелести! – заявила Ольга.

Теперь прохожие не только тарасились на Наташу, но еще и оборачивались ей вслед, несмотря на то что тапки совершенно потерялись на фоне сарафана.

Кандидат наук будет доволен, – заверила Ольга, с удовлетворением глядя на дело рук своих.

Наташа снова подошла к зеркалу и мрачно заметила:

– Я похожа на доярку, переболевшую тифом.

– Вот и хорошо! Можешь морально готовиться к работе, а я съезжу домой, соберу тебе кой-какое барахлишко. Ночную рубашку там, тренировочный костюм, халат. Все будет мое, ношеное, так что – не обессудь. В твою квартиру я не поеду ни за какие коврижки. Вдруг маньяк подумает, что я – это ты, и пырнет меня ножом?

Она уехала, а Наташа уронила голову на руки и заплакала. Вот какой у нее получается чудный отпуск! Была бы она в чем-нибудь виновата, тогда другое дело. А так...

Она представления не имела, что ожидает ее в доме кандидата наук Андрея Алексеевича Покровского. А если бы знала, то вместе с Клипсой забилась бы под кровать и даже за сосиски оттуда не вылезла.

3

Для того чтобы оторваться от «хвоста», пришлось провести целую шпионскую операцию. Правда, в окрестностях никаких знакомых физиономий замечено не было, но, как справедливо рассудила Ольга, не факт, что враги не затаились где-то поблизости. Она сходила к дворничихе Антонине и позолотила ей трудовую ручку. Антонина открыла им подвал, и, не выходя из подъезда, подружки благодаря дворничиховой товарке-уборщице попали сначала в подсобку магазина, потом в торговый зал и уже оттуда вышли на улицу. Бандиты, конечно, не могли ожидать от них такого коварства!

Возле входа в магазин уже стояло заказанное по телефону такси. Ольга засунула на заднее сиденье сначала Наташу, а вслед за ней – спортивную сумку с вещами.

– Вот тебе адрес, – сказала она и протянула исписанную бумажку. Потом повторила адрес для шофера и нетерпеливо спросила: – Поселок Березкино. Найдете?

– Найдём! – бодро отозвался он. – Отчего не найти? Мы ж не в Африке!

Шофер включил радио и всю дорогу отвратительным голосом пел, ничуть не стесняясь своей пассажирки. Два раза его вызывал диспетчер и хрипел что-то нечеловеческим голосом в переговорное устройство, а шофер отвечал. Наташа удивлялась, как он вообще что-нибудь понимает.

Первые полчаса она постоянно оглядывалась назад, опасаясь, что за ними едет какая-нибудь неприметная машина, но потом поняла, что побег удался, и успокоилась. И даже задремала, свесив голову на грудь, а потом вдруг проснулась, потому что почувствовала неожиданный толчок.

– Вот, барышня, не повезло нам, – сообщил шофер. – Колесо спустило. Ну да вы не переживайте, это мы мигом исправим!

«Миг», однако, растянулся надолго, и только в восьмом часу вечера им наконец удалось тронуться с места. Когда автомобиль свернул с шоссе на местную дорогу и Наташа вытянула шею, опасаясь пропустить указатель, шофер неожиданно съехал на обочину и вздохнул:

– Кажется, барышня, нам опять не повезло. У меня машина сломалась.

– Как это – сломалась? – опешила Наташа. – Она же только что ехала!

– Ехала, ехала и приехала, – грустно ответил тот. – Перегрев.

– И что?!

– Ну что, что? Постоим, подумаем... Разберемся!

Он вышел, открыл капот, повздыхал над ним, потом вернулся в салон и начал долгие переговоры с рыпавшей, словно трактор, рацией.

– Что говорят? – поинтересовалась Наташа.

– Ничего хорошего, – буркнул шофер. – Боюсь, барышня, мы тут надолго застряли. Вы, значит, расплатитесь со мной за то, что я вас досюда довез.

– Докуда это – досюда?! – рассердилась Наташа. – Мне досюда не надо, мне надо до самого конца!

– Извините, но это невозможно. Могу поймать для вас попутку.

Через полчаса стало ясно, что ловить просто нечего. По дороге не ездил ровным счетом ничего – ни в одну, ни в другую сторону.

«Хоть бы велосипед какой попался или сенокосилка, на худой конец», – подумала Наташа и спросила у шофера:

– Вы по крайней мере знаете, где мы находимся?

– Можно по карте посмотреть, – оживился тот и полез под сиденье. – Вот, глядите, тут – ваше Березкино, а здесь – мы. Рядом!

И правда: казалось, что до пункта назначения буквально рукой подать.

– Это, значит, надо идти через лесок, наискосок. Выйдете точнехонько к тому самому месту, что вам нужно, – заверил ее шофер.

Наташа выволокла сумку на дорогу и порадовалась, что она не слишком тяжелая. «Не стоит нервничать, – убеждала она себя. – Ничего особенного! Просто началась черная полоса. Она скоро закончится, и я заживу, как прежде. Боже мой, почему я не ценила свою прекрасную налаженную жизнь?! У меня ведь есть работа, есть свой дом, я свободна, достаточно молода, здорова... Как я могла предаваться унынию только из-за того, что меня бросил кретин Калашников?»

Некоторое время она занималась самобичеванием, одновременно углубляясь по проселку в лес. Неожиданно с дерева прыгнула белка и, распушив хвост, метнулась на другую сторону дороги. И вот тут-то Наташа наконец очнулась. Очнулась и поняла, что находится в совершенно незнакомом месте, одна-одинешенька, и, попадись навстречу дурные люди, ей даже нечем будет защититься. Она вскинула руку, посмотрела на часы и воскликнула:

– Мамочки мои!

Одиннадцать вечера. Уже темнеет, а дороге конца-края нет. Вероятно, то, что на карте выглядит крошечным зеленым квадратиком, на самом деле – дремучий лес! И до жилья – километры пути...

Именно в этот самый момент она услышала голоса. Мужские. По всей видимости, двое незнакомцев шли ей навстречу и вот-вот должны были показаться из-за поворота. «Вдруг это бандиты или насильники? – содрогнулась Наташа. – Надо немедленно спрятаться!» Она дернулась в одну сторону, потом в другую, сделала полный оборот вокруг своей оси, взвалила сумку на плечо и на полусогнутых побежала за елки.

По дороге действительно шли два человека. Только были это не бандиты и насильники, а обыкновенные дачники, Иван и Федор, оба – интеллигентные люди, умницы, физики по образованию. Дорога резко повернула, и тут они увидели незнакомую дамочку в кошмарном длинном сарафане и спортивных тапочках, которая сначала завертелась на месте волчком, а потом стремглав бросилась в кусты, приседая от страха. Интеллигентные люди переглянулись, усмехнулись и почувствовали в себе детский азарт. Можно было покричать ей вслед: «Утю-тю!», но они не стали.

– Кажется, она испугалась, – сказал Иван шепотом.

– Нас, что ли?

– Кого же еще? Давай поржем? – предложил он и спросил нарочито громко: – Тебе не показалось, что здесь только что кто-то был?

Федор поглядел на Ивана, подмигнул ему и ответил:

– Точно! Дохнуло парфюмом. Из этого следует, что поблизости прячется баба!

Наташа, стоявшая на четвереньках под елкой, припала к земле грудью, чтобы окончательно слиться с пейзажем.

– Надо эту бабу поймать и сделать с ней что-нибудь ужасное! – заявил Иван очень серьезным тоном.

Наташу отлично было видно среди ветвей, и когда она вжалась в мох, подняв попу кверху, физикам стало по-настоящему весело.

– Согласен! – немедленно ответил Федор. – Будем ходить туда-сюда, и как только баба выйдет на дорогу, сразу на нее накинемся. И тут уж от души повеселимся! Не забыл, как мы разделались с той, в желтом купальнике? А как она визжала? Приятно вспомнить!

Ухмыляясь, приятели проследовали дальше, не замедляя хода. Им было забавно думать, что они напугали какую-то дурочку и она теперь будет продираться через бурелом и не осмелится выйти на дорогу до самого дачного поселка.

Проводив их глазами, Наташа схватила сумку и, стараясь не дышать, на цыпочках двинулась в чашу. Так она и знала! Раз уж не везет, так не везет во всем. Она бежит из Москвы

от одних маньяков и здесь, в лесу, нарывается на других. Конечно, как же иначе. Но нет, она еще поборется с судьбой!

Борьба с судьбой отняла у нее массу сил. К этому времени окончательно стемнело и идти приходилось на ощупь. Кроме того, начал накрапывать мелкий дождь. Сумка становилась все тяжелее и тяжелее и уже через полчаса весила тонну. Наташа решила расстаться с ней, но не успела, потому что зацепилась за корень, споткнулась, взмахнула руками и полетела в какой-то овраг. Поцарапалась, ударилась плечом и, бросившись лицом на землю, разрыдалась от отчаяния.

Нарыдавшись всласть, она подняла голову и увидела прямо перед собой два желтых круглых глаза.

– Отвали, зверь! – крикнула Наташа хриплым голосом и вскочила на ноги. – Меня голыми лапами не возьмешь!

В ответ раздалось угрожающее рычание. «Неужели волки? – пронеслось у нее в голове. – Сейчас сбежится вся стая, и меня загрызут!» Она нащупала сумку, скатившуюся в овраг вслед за ней, и, схватив ее за ручки, махнула в том направлении, где стоял предполагаемый волк.

– Пошел вон! – рывкнула она и, не дожидаясь ответной реакции, начала проворно карабкаться вверх по склону.

Эта драма разыгрывалась прямо на задворках загородного дома художника-авангардиста Аркадия Бубрика. Два желтых глаза принадлежали его псу Азору, который был собакой ученой и даже в некотором роде творческой. Ключья вычесанной из него шерсти хозяин использовал в своей «Инсталляции № 887», которая располагалась в центре главного зала персональной выставки Бубрика в галерее «Синий закат». Когда Наташа замахнулась на Азора сумкой, он отпрыгнул в сторону, но не убежал, а увязался за ней.

Она же стала карабкаться вверх по откосу, остервенело перебирая ногами, и в какой-то несчастливый момент заехала Азору пяткой в нос. Азор рывкнул и схватил Наташу за подол. Решив, что это волки перешли в наступление, она взвизгнула и рванулась изо всех сил. Раздался треск рвущейся материи, и весь низ сарафана остался у собаки в зубах. В ту же секунду Наташа вылетела из оврага, подобно петарде, выстрелившей в новогоднюю ночь из палисадника.

К этому моменту небо осело вниз, и в животе у него гулко заворчал. Неожиданно ударила молния, осветив окрестности, и Наташа увидела прямо перед собой ярко-желтые окна дома. Она всхлипнула от облегчения, и в тот же миг сверху на нее обрушились потоки воды. Дождь был африканским – теплым и неукротимым. Пока Наташа неслась к человеческому жилью, промокла до нитки.

Добежав до двери, она приготовилась колотить в нее кулаками, но едва дотронулась, как та бесшумно отворилась. Внутри было сухо, тепло и тихо. Гостиная, наполненная неярким светом, оказалась пуста.

– Извините! – закричала Наташа, перетаптываясь на пороге и отчаянно хлюпая тапочками. – Разрешите войти?

Ответом ей было гробовое молчание. Наташа медлила лишь несколько секунд, затем шагнула в комнату и тихонько прикрыла за собой дверь. Стащила с себя мокрую обувь и ступила на ковер босой ногой.

– Есть кто-нибудь? – еще громче крикнула она, глядя на дверь в глубине зала. Она ожидала, что сейчас оттуда выйдут хозяева дома, и она попросит у них разрешения позвонить по телефону. Не откажут же ей в такой малости!

Однако никто не появился. Возможно, ливень застал хозяев где-нибудь в саду, и они спрятались в беседке или в сарае? Наташа огляделась по сторонам и заметила, что обстановочка не бедная – массивная мебель, паркетный пол, шикарная люстра... Интерьер был выдержан в черно-белых тонах, и показался ей мрачным. На длинном столе без скатерти стоял под-

нос, а на нем – бутылка коньяка и чистая рюмка. Наташу пробрала дрожь. Ведь не будет ничего страшного, если она немного полечится, а то ведь так и заболеть можно.

Выпив полную рюмку и мимолетно пожалев об отсутствии закуски, Наташа почувствовала неловкость и быстро завинтила крышечку на бутылке. Потом некоторое время постояла, задумавшись, снова ее отвинтила и выпила еще одну рюмку. Это, конечно, была уже вопиющая наглость, но Наташа столько всего натерпелась за последнее время! «Мне простительно, – успокоила она себя. – Я жертва трагических обстоятельств».

– Эй! – снова позвала она, подкрадываясь к приоткрытой двери в глубине помещения. – Вы меня слышите?

По-прежнему никто не отзывался, и она рискнула сунуть нос в щелку. Сунула и обалдела. За дверью оказалась еще одна просторная комната, освещенная несколькими лампами, закрепленными на стенах. У дальней стены находилось нечто невообразимое. На широком постаменте покоилась довольно внушительная куча костей и череп, увенчанный клоком светлых волос. Рядом с костями лежали: кинжал, массивный медальон сердечком и будильник «Слава» без переднего стекла с отломанными стрелками. На стене перед всей этой красотой висел лист ватмана, на который были наклеены фотографии полуобнаженной блондинки, застигнутой в момент раздевания.

Женщину снимали через окно. Окно было закрыто, зато занавески не задернуты до конца. Вот она в расстегнутом платье. Вот – избавляется от белья. Вот – закалывает волосы перед большим зеркалом.

Наташа почувствовала, как заколотилось сердце. Ее очень, очень беспокоил разобранный скелет под фотографиями. Возможно ли, чтобы человек, который снимал блондинку, заколол ее ножом, повесил в доме фотографии, а под ними сложил останки несчастной и присовокупил к ним орудие преступления? Как еще можно было расценить эту композицию без предварительной подготовки?

Наташа не хотела в это верить. Неужели после того, как она бежала от одних маньяков и встретилась на лесной дороге с другими маньяками, судьба привела ее в дом третьего?! Это было уж слишком!

Она хотела уже пуститься в бегство, но тут хлопнула входная дверь и раздался шаг. Шаги были медленными, тяжелыми и страшными. Наташа заметалась, не зная, куда деться. В комнате отыскалась еще одна дверь, она рванула ее на себя и... попала в мастерскую Аркадия Бубрика. Но откуда она могла знать, что это именно мастерская и что Бубрик в настоящее время занят воплощением в жизнь художественного проекта под условным названием «Жизнь в облике смерти»?

О ужас! Глазам ее открылась страшная картина. На полу лежали ножи, напильник, плоскогубцы, какие-то крючья и другие непонятные приспособления, похожие на инструменты для пыток. Рядом, на газетах, были разложены выскобленные добела мелкие кости, причем в таком количестве, словно тут пустили в расход целую птицефабрику. Стены украшали творения, при взгляде на которые Наташа содрогнулась от отвращения – все они были сделаны из мертвых жуков, мух и засушенных тараканов. Трупы насекомых, сложенные в затейливые узоры, леденили кровь.

Шаги тем временем неотвратимо приближались, бежать было некуда, и Наташа с расширенными глазами осталась стоять возле костяных пирамид. Через секунду на пороге появился мужчина слегка за пятьдесят с узким печальным лицом, выпирающими скулами и глазами, полными художественной скорби. Его длинные темные волосы были расчесаны на прямой пробор и уныло падали на плечи. В руках он держал мокрые тапки.

– А! – воскликнул он, уставившись на Наташу. – Так это ваша обувь!

– Моя, – мяукнула она.

– Я Бубрик, – сообщил он. – Можете звать меня Аркадием.

– А я – Наталья. Постучалась к вам, чтобы позвонить по телефону, но вы не отзывались, и я прошла в комнату...

– Очень хорошо, что вы зашли! – хозяин дома улыбнулся, показав плотно посаженные, как у бобра, зубы, и от этой улыбки сердце Наташи затрепетало шелковым платочком на ветру.

– Я, видите ли, свалилась в овраг, – поспешно заговорила она, изо всех сил стараясь взять себя в руки и не завизжать от страха. – Зацепилась за корень и упала, потеряла сумку и еще платье порвала...

– У вас все косточки целы? – с живым интересом поинтересовался Бубрик и весь подался вперед, будто от ее ответа многое зависело.

«Отчего его так волнуют мои косточки?» – испугалась Наташа и тоненько хихикнула:

– Мои-то целы. А у вас тут прямо палеонтологический музей!

– Видите ли, кости мне нужны, как воздух, – совершенно серьезно пояснил Бубрик. – Для удовлетворения эстетического чувства. Приходится съедать их обладателей. Искусство, как говорится, требует жертв.

Наташа тяжело сглотнула. На что это, интересно, он намекает?

Знаете, вы выглядите весьма... живописно, – сообщил Бубрик и посмотрел на Наташины голые ноги.

Пес Азор очень аккуратно оторвал подол от ее мешковатого сарафана, и Наташа совершенно неожиданно оказалась в мини-платье. Нервно пошевелив пальцами на ногах, она клацнула зубами и выдавила из себя:

– Мне бы позвонить...

– Телефон не работает, – ответил Бубрик, глядя ей в глаза. – Гроза, что вы хотите?

– Я ничего не хочу, – пробормотала Наташа. – А что это у вас тут такое... скорбное? – Она махнула рукой в сторону газет с разложенными на них костями.

– Не обращайтесь внимания, – неопределенно ответил Бубрик. – И не спрашивайте. Это очень личное.

«Еще бы! – подумала Наташа. – Если он отслеживает блондинок, убивает их и хранит косточки, как память, интересоваться подробностями бессмысленно».

– Скажите, а поблизости живет еще кто-нибудь? – спросила она громко и вроде бы смело, но дрожащий голос выдал ее истинные чувства.

Бубрик, который отлично чувствовал цвет и форму, оказался невосприимчив к женским переживаниям. Поэтому просто пожал плечами и ответил:

– Не думаю, что вам удастся откуда-нибудь позвонить.

«Почему? – в панике подумала Наташа. – Потому что ты собираешься меня уколошить? Нет, живой я не сдамся!».

– Меня будут искать, – на всякий случай предупредила она.

– Да? И кто же? – полюбопытствовал художник.

– Покровский Андрей Алексеевич, – выпалила Наташа. – Он... Он меня очень сильно будет искать. Он во мне безумно заинтересован. Этот человек без меня просто не может, понимаете?

– О! – уважительно протянул Бубрик. – Не может без вас? Вот как! А Генрих о вас знает?

«Господи, кто это – Генрих? – в панике подумала Наташа. – Сиаковский кот? Мраморный дог? Или какой-нибудь секьюрити? Впрочем, у кандидатов наук не бывает охраны, она им не по карману, да и ни к чему».

– Я никого не боюсь, – храбро ответила она. – А уж Генриха! Что там Генрих – плюнуть и растереть!

– Знаете, – сказал Бубрик, оглянувшись на окно. – Вам все равно отсюда не уйти.

Он имел в виду – пока продолжается гроза, но Наташа поняла его по-своему и попятилась.

– Вот что. Мне нужна еще пара скелетиков, – Бубрик задумчиво почесал макушку, и Наташа тяжело привалилась к стене плечом. – Не хотите жареной трески? Только – чур! – кушать ее руками и очень осторожно, чтобы не повредить косточки.

«Он сумасшедший! – поняла Наташа. – Он так или иначе со мной что-нибудь сделает и выдерет из меня позвоночник. Рыбий хребетик – это только разогрев».

– Андрей Алексеевич уже, наверное, бежит по окрестностям, – напонила она. – Надо его немедленно успокоить. А то он такой шум поднимет, такой шум! Вы его еще не знаете!

– Я его отлично знаю, – пробурчал Бубрик. – Черт с вами, если не хотите трески, пойдемте, я отведу вас к Покровскому.

– Ну что вы, право слово! Я сама дойду!

– Конечно, конечно, – усмехнулся он и крепко схватил ее за локоть.

Локоть немедленно ослаб, точно мушиная лапка, уставшая биться в сладкой капле варенья. Наташа подумала, что Бубрик сейчас наклонится и вопьется в ее шею своими бровевыми зубами. Она втянула голову в плечи, сделавшись похожей на снежную бабу.

Что это вы? – удивился предполагаемый преступник. – Замерзли? Хотите погреться?

Андрей Алексеевич, наверное, уже спасателей вызвал! – тоненьким голоском предположила Наташа вместо ответа.

Ой, да ладно вам! Идемте ловить вашего Покровского! Только дайте я зонт возьму. Вам-то уже все равно!

«Мне уже все равно, вон как, – ахнула про себя Наташа. – И что значит – ловить Покровского? Не зря он сказал, что ему не хватает пары скелетов! Значит, меня одной ему мало».

Ох, ну и приспичило же вам гулять в грозу! Не боитесь, что вас молнией убьет? – поинтересовался Бубрик, открыв входную дверь. Впереди стоял черный лес, и было неясно, куда он собирается ее вести. – Сегодня по радио передавали, на пляже одного мужчину убило.

Не боюсь, – искренне сказала Наташа. Уж чего она сейчас боялась меньше всего, так это молнии. – А... А где дом Покровского? В какой стороне? Я ведь и сама могу дойти. Мне бы не хотелось вас напрягать.

– Вы одна не найдете, – отрезал Бубрик. – И знаете что? Дайте я все-таки накину на вас дождевик, а то как-то неудобно: я – под зонтом, а вы – так.

Он сделал неуловимое движение руками, что-то хлопнуло, и Наташа почувствовала, как всю ее облепил полиэтилен. На голове оказался тесный капюшон с завязочками. Бубрик взял их двумя руками, сделал узел и рывком дернул на себя.

«Вот оно! – поняла Наташа. – Он решил меня задушить!» Сработал инстинкт выживания, она с коротким криком вырвалась из рук художника, отпрыгнула с газона в густую траву, развернулась и с места в карьер дунула по направлению к лесу.

– Стой, дура такая! – сердито закричал Бубрик. – Не туда! Не туда! Там пруд, утонешь ведь!

Ему совсем не светило лезть в воду и спасать незнакомую полоумную девицу. Поэтому он решил во что бы то ни стало пресечь ее попытку к бегству и догнал двумя громадными прыжками. Повалил и прижал к земле. Наташа завизжала на весь лес, да так, что у всех местных собак мигом поднялась шерсть на загривках.

Кое-как удалось Бубрику уговорить ее заткнуться и встать на ноги. Плащ она с себя содрала и в сердцах бросила на траву.

– Вот, видите, дом? Это и есть обиталище Покровского, – увещевал ее запыхавшийся художник. – Мы почти пришли, не вздумайте орать снова, а то у меня уши отвалятся.

Наташа не видела никакого дома. Впереди было черным-черно, непроглядно. И тут вдруг снова ударила молния, и она поняла, что они и в самом деле находятся в непосредственной близости от двухэтажного особняка под веселой «одноухой» крышей. В окнах – ни огонька, ни искорки. Вероятно, все обитатели спали, и уж, конечно, Покровский не бегал по окрестно-

стям в поисках своей новой помощницы, которая должна была явиться вечером, но куда-то запропастилась.

Когда Бубрик, держа спутницу за плечо одной рукой, другой заколотил в дверь, Наташа внезапно почувствовала, что крыльцо качается под ногами. «Интересное дело! – подумала она, даже не вспомнив про коньяк без закуски. – С чего бы это у меня голова кружится? От переживаний, наверное».

– Андрей Алексеевич! – крикнул нетерпеливый Бубрик. – Андрей! Ты дома?

Покровский был дома. Через минуту в окне первого этажа вспыхнул свет и дверь распахнулась. На пороге возник заспанный и встрепанный мужчина – босой и в боксерских трусах.

– А? – спросил он. – В чем дело? Что случилось?

И тут Наташа его узнала. Это был тот самый зеленоглазый тип из гостиничного бара, который представился ей Афанасием Афанасьевичем. «Скотина, – беззлобно подумала она. – Обманул меня, как девочку, а я и поверила. А он, выходит, на самом деле Андрей Алексеевич Покровский, кандидат наук. А выдавал себя за бизнесмена! Но каково совпадение! Определенно – судьба».

– Вот, – сообщил Бубрик, встряхивая зонтом и осыпая вывалившуюся в жидкой грязи Наташу миллионом капель. – Получи, дружище, свое добро. С доставкой, так сказать, на дом.

Покровский с изумлением взглянул на захмелевшую Наташу, которая изо всех сил старалась удержаться на ногах и по этому поводу сильно выпячивала живот. После чего неуверенно уточнил:

– А ты убежден, что это мое?

– Ну ты даешь! – расстроился Бубрик. – Смотри внимательнее.

Андрей вытянул шею и приблизил свою мятую со сна физиономию к мокрой Наташиной. Будто бы что-то знакомое... – пробормотал он. – Но нет – не узнаю.

Наташа была счастлива, что он ее не узнал – этого еще не хватало! Разве смог бы он воспринять ее всерьез после того, что случилось в гостинице?

Черт знает что! – рассердился Бубрик. – Не хочу я в этом участвовать! – Он вскинул руку к глазам и воскликнул: – В полпервого ночи!

Что, интересно, он будет делать с этой бабой, если Покровский от нее откажется?!

Подожди, подожди, – пробормотал кандидат наук. – Зачем ты привел ко мне это чудовище?

Она сказала, что служит у тебя помощницей!

А-а! – хлопнул себя по лбу кандидат наук. – Вот кто это! Наталья Смирнова! – Он на секунду замолчал, затем с подозрением спросил: – Неужели это вы?

Это я, – подтвердила та с необычайной важностью. – Я заблудилась.

Что ж, – не смутился Покровский. – Входите в дом. Аркадий, ты тоже войдешь?

Нет уж, – отказался Бубрик. – Я домой, творить.

Творить? – искренне удивилась Наташа, и Андрей пояснил:

– Он художник. Довольно известный.

– О! – Наташа похлопала Бубрика по руке. – Художник! Зер гут! Именно поэтому у вас полный дом костей и мушиных трупов?

– Когда-нибудь, – сказал Бубрик, – мои работы оценят по достоинству. В них – правда жизни и смерти.

После чего торопливо попрощался и скрылся во мраке ночи.

– Ну что ж, госпожа Смирнова, входите! – вздохнул Покровский, пропуская ее в дом. – Кстати, почему вы без вещей? Вы же собираетесь здесь жить!

Наташа перешагнула порог под гроыхание грома и ответила:

– У меня, конечно, была сумка. Конечно. Но я потеряла ее, когда дралась с волками. Они напали на меня целой стаей.

– Волки? – опешил Покровский. – Где это вы их раздобыли?

– Да тут, у вас. Вон в том овраге. – Она прилагала массу усилий для того, чтобы держать хозяина дома в фокусе, поэтому махнула рукой довольно вяло.

– А как вы попали в овраг? – не отставал тот.

Сначала-то я шла по дороге, – охотно объяснила Наташа. – И только уж потом, когда встретила двух маньяков, свернула в лес. Пришлось немного поплутать.

– Я вижу, путь до моего дома оказался для вас тернистым, – пробормотал Покровский, пытаюсь лучше разглядеть стоящее перед ним существо.

Девушка была стрижена, как Вин Дизель, и одета в короткое мокрое платье, прилипшее к телу. Босые ноги оказались вымазаны грязью, к одной щеке прилипла трава, на другой отпечатался след черной ладони. Андрей не мог понять, каким образом уважаемое агентство так облажалось – прислало ему это чучело. Тем более что от чучела разило алкоголем. Невероятно!

А где я буду жить? – через силу задала Наташа мучивший ее вопрос. – С вами или где-нибудь поблизости?

Что не со мной – это точно, – ответил Покровский и проглотил улыбку, как сделал это тогда, в баре. От улыбки осталось на лице только впечатление. – Моя семья живет на первом этаже, а все, кто у нас работает, – на втором. Ваша комната справа от лестницы, запомните? Не та, в самом углу, а вот эта, видите?

Вместо ответа девушка икнула. Конечно, это было настоящее безобразие, и по-хорошему, ее следовало бы выгнать на улицу. Но на улице царилась ночь, бушевала гроза – в любом случае приходилось быть добрым. Покровский решил, что если уж не может разрулить неприятную ситуацию прямо сейчас, то стоит отнестись к ней с юмором. Это сохранит его нервы.

Можете ознакомить меня с моими обязанностями, – великодушно разрешила Наташа.

Ну уж нет, – пробормотал Покровский. – Сначала выпитесь, а потом поговорим.

Ладно, – согласилась она и, шагнув в комнату, зацепилась ногой за коврик. Сказала: «Уй!» и свалилась на пол, как бревно.

Перед ее глазами оказались мужские штиблеты, аккуратно, носок к носку, поставленные возле низкого столика. Штиблеты были стоптаны внутрь, а шнурки завязаны трогательными бантиками.

– Вы косолапите при ходьбе, – обвинила Покровского Наташа, с трудом поднимаясь на ноги. – Вам надо купить специальные супинаторы.

– Спасибо, я буду иметь в виду, – усмехнулся он. – Кстати, вы в состоянии самостоятельно принять душ?

– Ну да, – ответила Наташа, подходя к диванчику перед камином. – Конечно. Только можно я сначала немножко посижу?

– Если вы сядете, то немедленно уснете. А мне вовсе не хочется, чтобы утром домашние застали здесь такое... Хм... Вас. Пойдемте наверх, я дам вам полотенца.

На самом деле полотенца уже давно лежали на кровати в той комнате, которую хозяин дома выделил своей помощнице, но Покровский решил, что если не страховать ее на лестнице, она загремит вниз и свернет себе шею. Наташа тем временем думала о том, что все ее преследователи остались с носом.

– Я в безопасности! – громко заявила она, храбро наступая на ребрышки ступенек.

– Это уж будьте уверены, – пробормотал Покровский. – Что касается меня, то тут вы в полной безопасности.

Она была ужасно потешной, и он не мог утверждать, что утром непременно отправит ее обратно. Как это ни странно, ему понравилась ее пьяная самоуверенность. Вернее, позабавила. Надо дождаться утра, а там уже поглядеть, что из нее получится после душа и нескольких часов сна.

– Только не ложитесь в ванну, – попросил он. – Ванна вам сегодня противопоказана. Воспользуйтесь душевой кабиной, хорошо? Халат в шкаф.

Засунув ее в комнату, он некоторое время прислушивался, но не услышал ничего ужасного – звона разбитого стекла или стука падающего тела. Однако вода так и не начала шуметь. Покровский некоторое время раздумывал, потом легонько постучал. Никакого ответа. Тогда он осторожно приоткрыл дверь и просунул голову внутрь. Девушка стояла посреди комнаты совершенно неподвижно. У нее был стеклянный взгляд, и Покровский решил, что она спит стоя, словно лошадь.

– Эй! – позвал он. – Вы собирались в душ.

Она не реагировала.

– Черт с вами, ложитесь так. Только погодите, я накину что-нибудь на постель.

Он вошел, застелил кровать пледом и сделал широкий жест рукой:

– Прошу!

Девушка продолжала стоять, словно изваяние. Она кого-то отчаянно напоминала Покровскому. Но кого? Он не мог вспомнить.

– Отлично, – буркнул он, взял Наташу за локоть, подвел к кровати, поставил к ней спиной и подтолкнул.

Она немного покачалась и неожиданно стала падать вперед, словно ковер, скатанный рулоном.

– Ого! – воскликнул он и засмеялся, обхватив ее двумя руками. От нее пахло дождем, лесом и ванилью. Ну и коньяком, разумеется.

Пришлось присесть, приподнять ее за ноги и свалить-таки на постель. Она охотно свалилась и тут же разметала руки. Если бы не тифозная стрижка, волосы тоже разметались бы. Покровский решил, что мокрое платье снимать с нее не станет ни за какие коврижки. Еще неизвестно, что из этого кокона вылупится утром. Возьмет и обвинит его в сексуальных домогательствах.

– Так что, пардон, мадам, оставайтесь в своей одежде, – вслух сказал он.

На самом деле он рассчитывал, что через несколько часов она проснется, разденется и примет душ, почувствовав себя грязной и мокрой. К утру Наташа действительно проснулась, но почувствовала себя не грязной и мокрой, а голодной. Есть хотелось зверски.

Одновременно к ней вернулась память, и вчерашние события предстали перед ее мысленным взором. Гражданский долг заставил ее схватиться за телефон. Номер родного районного отделения милиции выскочил из нее просто сам собой.

– Пармонов? – сдавленным голосом спросила она, когда ей ответили. – Это Наталья Смирнова. Помните, я вам звонила насчет Негодько с пистолетом? Вы еще мне не поверили. Так вот. Тут возле оврага творятся ужасные вещи! По лесу ходят волки и двое маньяков. Об одной жертве я знаю точно – это женщина в желтом купальнике. Нет, я ее не видела, но они сами рассказывали. Кто, кто? Маньяки рассказывали! – Она некоторое время слушала, потом ответила: – Откуда ты знаешь, что я себя неважно чувствую?

Когда трубка зашлась короткими гудками, она осторожно положила ее на рычаг и вздохнула. Поверили ей – не поверили, она поступила как сознательная гражданка. Несмотря на то что голова еще не варила, как полагается, сознательная гражданка сумела сообразить, где находится кухня. Спустилась на первый этаж, отыскала в холодильнике круг «Краковской» колбасы и, устроившись на диванчике в гостиной, впилась в нее зубами.

4

Генрих Минц достался Покровскому в наследство от отца-академика. С незапамятных времен он вел в доме хозяйство и колдовал на кухне, называя себя элегантно – экономом. Накануне у него был выходной день, и теперь, в половине седьмого утра, Генрих открыл дверь своим ключом и на цыпочках, чтобы не разбудить Андрея, двинулся на кухню. Однако не пройдя и нескольких шагов, замер от неожиданности.

На полу возле дивана лежала замурзанная голоногая девица с солдатской стрижкой на голове в немыслимо грязном коротком платье. Рядом с ней валялся наполовину сгрызенный кусок колбасы. Девица всхрапывала и присвистывала во сне.

– О-ля-ля! – шепотом воскликнул Генрих и всплеснул руками.

Наташа между тем видела десятый сон. Разбудило ее непонятно что. Она распахнула глаза и захлопала ресницами. Над ней навис весьма колоритный дядечка – лет шестьдесят пять, крепенький, лысый, розовый, с черными усами и внимательными глазами под короткими бровками.

– Как это вы сюда пробрались? – вполголоса спросил дядечка. – Где-нибудь было открыто окно?

– Кто вы? – спросила Наташа и, застонав, села. – Как вас зовут?

– Генрих, – отвечал лысый по-прежнему полусшепотом. – Я экономом.

– О! – воскликнула она. – А я думала, что вы – собака! Или, в крайнем случае, сиамский кот. У вас совершенно нечеловеческое имя.

– Не может быть, – пробормотал Генрих. – Так как вы в дом попали?

– Меня впустил Андрей Алексеевич, – довольно внятно ответила Наташа и, покрхтывая, пересела с ковра на диван.

– Вы что же, – проворчал экономом, – плакали под дверью? И он вас пожалел?

– Я же не бомж!

– А кто?

– Я Андрея Алексеевича помощница. Буду работать с его архивом.

– Ну да, – недоверчиво сказал Генрих. – А откуда он вас взял... такую?

Он окинул Наташу красноречивым взором.

– Из агентства.

– Хм, – пробормотал Генрих. На лице его появилось смирение. – Может быть, вам что-нибудь нужно?

– Не могли бы вы, голубчик, – попросила Наташа купеческим тоном, – поискать в овраге мою сумку? За домом художника Бубрика. Гроза застала меня в овраге. И вообще... Была бурная ночь.

С этими словами она отправилась наверх, роняя комья сухой грязи. Несмотря ни на что, чувствовала она себя бодрой и отдохнувшей. И, главное, была уверена, что никаким бандитам ее выследить уж точно не удалось. Пока она плескалась в душе, сумку принесли и поставили возле шкафа. К счастью, она не сильно промокла, и Наташа добыла из нее отвратительного качества джинсы и грязно-коричневую кофту с криво пристроченной биркой под воротником: «Made in France». Вероятно, Ольга купила этот писк моды где-нибудь в подземном переходе в самый последний момент. Интересно, какая у ее работодателя жена? Наверное, красивая и злая – зачем иначе ему было требовать в агентстве несексуальную помощницу?

В этот момент внизу раздались взволнованные голоса, в том числе и женский. «А вот я сейчас погляжу, – решила Наташа, – что там за жена». Она вышла из комнаты, подкралась к перилам и осторожно посмотрела вниз. Возле двери стояла юная блондинка в брючках-капри и обтягивающей кофточке. Она была так хороша собой, что Наташа немедленно пожалела о

том, что остригла волосы. Можно было не уродоваться – на таком фоне женщине за тридцать с обыкновенной внешностью потеряться легче, чем табачной крошке в кармане.

– Ну? И что все это значит? – спросил Покровский, глядя на блондинку сузившимися глазами. – Я понимаю – гроза. Но почему ты хотя бы не позвонила?

На нем был спортивный костюм и кроссовки, на шее – полотенце.

– Потому что во время грозы мобильники отрубаются! – запальчиво ответила блондинка. – А потом я подумала, что ты спишь. И мы решили, что лучше сразу приехать, чем тебя будить.

– Кто это – мы? Ты и твой гардеробщик?!

«С ума сойти! – подумала Наташа. – Он знает, с кем жена проводит время и всего лишь напускает на себя строгий вид».

– Где он? – продолжал кипятиться Покровский.

– В машине, – блондинка взглянула на него исподлобья. – Надеюсь, мы покормим его завтраком?

– Я что, должен любоваться его физиономией за столом?

– Ты невозможный! – воскликнула она. – Не понимаю, за что ты ополчился на Валеру! Он благороден и...

– И красив, – не без ехидства добавил Покровский. – Не знаю, решится ли он сесть с нами за стол, он ведь в своем трактире привык смотреть, как едят другие. Из гардероба.

– Раньше ты к нему не придирался! И всегда был радушен.

– С тех пор кое-что изменилось.

Блондинка задрала нос и двинулась через комнату к одной из дверей. Наташа отскочила от перил, чтобы снизу ее случайно не заметили. Вот это отношения! Интересная семейка.

– Кстати, – неожиданно вспомнила блондинка и обернулась. – Твоя новая помощница приехала?

– Можно и так сказать, – с трагически-веселой интонацией ответил Покровский.

– Мне бы хотелось на нее посмотреть.

– Мне бы тоже, – искренне признался он.

– Я, пожалуй, приглашу ее к столу, – вмешался Генрих Минц, появившийся из кухни, откуда до Наташи донесся дразнящий запах яичницы.

Взволновавшись, она просочилась в дверь и тихонько прикрыла ее за собой. Через минуту раздался легкий стук, и эконо́м сказал из-за двери:

Деточка! Вас ждут завтракать.

Благодарю, – церемонно ответила Наташа, хмыкнув по поводу «деточки». – Сейчас спущусь.

Прежде чем предстать перед всей честной компанией, она еще раз подошла к зеркалу и окинула себя критическим взором. Ужас что за вид! Ольга постаралась от души: пожалуй, даже Сева Шевердинский не назвал бы ее теперь симпатичной, а уж тем более сексуальной. Впрочем, на кой черт ей сейчас сексуальность, когда она тут прячется, спасая свою жизнь?!

Спустившись на первый этаж, Наташа увидела неплотно прикрытую дверь, из-за которой доносились голоса и звяканье посуды, а рядом с дверью – забавного молодого человека с нежными розовыми щеками и русым чубом, старательно зачесанным на один бок. Он стоял и банально подслушивал, и на лице его отражалось растерянное упрямство.

Здрасьте! – вполголоса поприветствовала его Наташа, тихонько подойдя поближе.

Молодой человек вздрогнул и залился стыдливым детским румянцем.

Я вот тут... – пробормотал он. – Некоторым образом...

– Я тоже – тут и тоже – некоторым образом, – хмуро сообщила Наташа. – Кто вы такой?

– Друг Марины, – растерянно ответил молодой человек. – Мы приехали, а он...

– А! Так это вы – гардеробщик! – догадалась Наташа.

– Это невозможно терпеть! – со слезами в голосе возмутился бедняга. – Андрей Алексеевич меня постоянно унижает. При ней, заметьте. Ну и что, что я работаю в гардеробе? Это ведь временно, пока я не поступлю в институт. А я обязательно поступлю! Я вовсе не такой кретин, каким он хочет меня представить.

– Меня трогают ваши переживания, – соврала Наташа. – А Марина, она ему кто?

Валера поглядел на нее трагически:

– Единственная дочь.

– Ах, дочь! Вон оно что! А жена? – его собеседница не в силах была сдержать любопытство. – Есть у него жена?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.